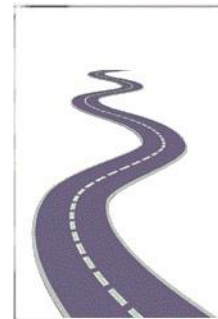

Юрий Белиловский

Рассказы

Биографическая справка

В 2005 году моему родному институту исполнилось тридцать лет. В числе других я получил предложение написать воспоминания об институте и приложить, если будет желание, краткую биографию. Написал. Воспоминания и биографию решил не разделять.

Взглянул я на своё формализованное жизнеописание, предназначенное для кадровиков, и расстроился: «И это вся жизнь?!» Жил, учился, работал, творил, переживал, мечтал, надеялся, верил... И всё это на полутора страницах и вполне можно сократить. Впрочем, две даты на камне ещё короче. Итак...

Я родился в апреле 1949 года в Плесецком районе Архангельской области РСФСР в семье офицера-фронтовика. Местные достопримечательности: Холмогоры, откуда когда-то отправился в люди Михайло Ломоносов, да космодром, которого, понятно, тогда ещё не было. Из детства осталось ощущение бледно-голубого неба летом, бесконечных снегов зимой, молодых и красивых отца и мать и неосознанного, а значит, полного счастья.

Учиться начал в 1956 г. в военном городке на Кольском полуострове, учился в семи разных школах (семья военного всё-таки) на севере, в Узбекистане и в 1966 г. окончил с золотой медалью школу №22 в Алма-Ате. Год был необычный: сразу два выпуска, десятые и одиннадцатые классы в связи с переходом с одиннадцати- на десятилетнее образование. Школа в то время тоже была необычной - только старшие классы, начиная с восьмого. Выпускных классов было больше двадцати, помню, в частности, неординарный 10 «Т».

В 1967 г. поступил в КазПТИ на специальность ТЭС. Энергетический факультет, группа ТЭС-67-1. До этого пытался поступить в МАИ и МИФИ, не удалось, потом полгода работал препаратором в группе ультразвука в институте металлургии и обогащения АН КазССР.

Так как именно энергетический факультет КазПТИ в 1975 году превратился в АЭИ, то я, как и многие из нас, обрел альма-матер задолго до официального рождения института. Студенческая жизнь известна: учёба, спорт, СНО, стройотряд, дружба, любовь, культурные, скажем, мероприятия, а главное - твёрдая уверенность в том, что всё по силам. Что вспоминается?.. Вот фрагменты.

1964 год. Алма-Ата

Сельхозработы. Уборка урожая в хозяйстве Головацкого сразу после зачисления. Печальный и язвительный Володя Лысенко в роли кашевара. Трогательная детская угроза на плакатике в адрес руководителя: «Подполковник Гаджиев, над тобой сгустились тучи». Китай - рукой подать. И кукуруза, кукуруза, кукуруза...

Защита курсового по парогенераторам 31 декабря после полудня. Могу теперь представить озабоченность Каира Махметовича Омарова, который что-то быстро накрыл плакатом на столе, когда упёртый отличник привёл на кафедру группу на свою защиту...

Жесткое велосипедное седло, круглогодичные тренировки и соревнования в составе объединенной межвузовской команды. «Мишки на севере», приобретенные для однокурсниц в кафе «Спорт», что под трибуной центрального стадиона, в обмен на талоны на спецпитание: 2-50 в день в период тренировочных сборов и 3-50 во время соревнований...

Экзамен по теплопередаче у моего уважаемого будущего научного руководителя Темирбаева Дюсембы Жусуповича: 70-й год, чемпионат мира по футболу за океаном, ночные бдения у ящика и как результат - единственная четвёрка в красном дипломе...

Стройотряд после третьего курса в Павлодарской области, грозное лицо командира Димы Дубровина: «Негры! Кто опять утопил кружки из-под одеколona в

общем баке?!! В Минусинск! В Бердичев!» И мы с Адилем Сакеновым, грустные и виноватые...

*1970 год. ССО. Железинский район. Автор задремал.
Во втором ряду Р.Н. Календарев*

Последний, сорок четвёртый по счёту, экзамен по «Режимам». В тот раз мы решили попробовать домашнего от Володи Подвигина до экзамена, а не после, как предписано этикетом. Опасная самонадеянность, я это понял к концу ответа на второй из трёх вопросов билета. Хорошо, что и преподаватель, интеллигентный и снисходительный Киссель, понял это тоже. Обошлось...

Работа над дипломным проектом. Ничего выдающегося. Правда, мы, несколько человек, получивших общую тему, решили сначала отдохнуть. Отдохнули. Через полтора месяца связались с назначенным руководителем из внешней организации. Он нас поприветствовал и сообщил, что не дождался нашего появления и, увы, уезжает в длительную командировку. А фронт!.. Кафедра в авральном порядке сменила нам тему и руководителя. Конечно, им оказался безотказный Владимир Петрович Дубовик. Спасибо ему. Защищались первыми. Успешно.

*1970 или 71 год. Алма-Ата. 7 ноября.
ТЭС-67-1: Ю.Белиловский, В.Рябиков, Л.Бережная,
Л.Лапшина, В.Котляров, Р.Календарев*

Преподаватели... Патриарх Тонконогий Айзик Вольфович - наш зав. кафедрой, один из двух профессоров в институте в начале его становления, Нурекенов Есенбек Нурекенович - его лекции легко укладывались в голове, вероятно, в связи с моей тягой к систематизации и квадратно-гнездовой структуризации всего, Выползова Майя Николаевна и другие - я помню и знаю всех ещё и потому, что это мои коллеги. Не перечисляю здесь своих однокашников - это совершенно особая статья, просто перечислить - кощунство. Они навсегда в моём сердце, их лица тем ближе и дороже, чем больше времени прошло с того далёкого семьдесят второго года, когда мы окончили институт, получили дипломы, и каждый пошёл дальше своей дорогой. Вот мой давний уже тост издалека к двадцатипятилетию нашего выпуска:

За нашим славным дастарханом
чуть потеснитесь, это я
гранёным праздничным стаканом
тянусь к тебе, семья моя.
Далёк от славы и богатства,
я замечательно богат
настоем солнечного братства

на тихой горечи утрат.
Нам двадцать пять, увы, не слабо,
ещё полвздоха - и уже
переосмысливать масштабы
на нашем хронометраже.
Да, четверть века жизни брэнной
или великой за спиной
в наш юбилей, осеребрённый
не скупой нашей сединой.
По жизни всякое бывало,
уж так устроено в семье,
но то, что нас разъединяло,
как дым, уйдёт в небытие.
Теряют вес пороховницы,
но жар под пеплом не угас,
а нет - пусть в детях состоится
не состоявшееся в нас.

Хайфа, 1997

1976 год. У института. Слева направо: Ю.Б. Белиловский, Ю.П. Алейников, М.С. Малгараев, Г.Ж. Даукеев. На втором плане с шаром Ф.Н. Шпарберг

После окончания я остался работать в институте в научной группе Д.Ж. Темирбаева. Вехи: инженер, мнс, аспирант. В 77-м диссертация была «в осях» готова, и как раз в это время началась реорганизация ВАКа. Кто попал в эту мясорубку, помнит... Бегал из совета в совет, сдал несколько кандидатских экзаменов, включая университетский курс теоретической механики. На память остались три переплетенных варианта диссертации для разных учёных советов и по разным специальностям. В конце концов, в 1981 г. защитился там, где начинал, в КазНИИ Энергетики. Сказал бы, что трудности закалили, но не хочу кривить душой. Потерял время, истратил нервный ресурс, взамен обрёл традиционную вредную привычку, от которой с трудом избавился через десяток лет.

Мой руководитель Д.Ж. Темирбаев, группируя вокруг себя молодых учёных, пытался освоить свежее научное направление с тем, как я понимаю, чтобы впоследствии создать научную школу. Думаю, без такой стратегической задачи бессмысленно вообще заниматься научной деятельностью. Отсутствие ресурсов однако не позволило этому осуществиться. Ресурсов и материальных, и всех остальных, не буду детализировать. В этой связи запомнился большой союзный симпозиум по турбулентности в Таллинне в 1978 г. Были корифеи: Лойцянский, Степанов, Абрамович, Гиневский... Один обзорный доклад делал молодой доктор из Горького, Михаил Рабинович, моих, наверно, тогдашних лет. Отсюда я вынес и понимание важности научной школы, и разницы между периферийной наукой и наукой центральной (чего быть не должно), и что такое пробелы в базовом образовании, которые потом приходится по крохам восполнять всю жизнь. Михаил Рабинович и сейчас успешно занимается наукой, правда, уже очень давно в США.

С 1982 г. я параллельно с научной работой погрузился в преподавательскую деятельность. Прошёл последовательно должности ассистента, старшего преподавателя, доцента кафедры общей теплотехники, а затем своей родной кафедры ТЭУ. Читал курсы теплотехники, технической термодинамики, парогенераторов и их специальные разделы. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с хорошими людьми и серьёзными профессионалами. Это, помимо уже упомянутых – Нина Петровна Крылова, Тамара Алексеевна Фёдорова, Михаил Иванович Пак, Жумабай Оралбаевич Сазаев и многие другие, а также, конечно, те, с кем меня связали искренние дружеские отношения, которым уже больше тридцати лет, целая жизнь: Даукеев Гумарбек Жусупбекович, Сысков Сергей Александрович, Огай Валерий Дмитриевич, Стояк Вячеслав Владимирович, Киселёв Николай Борисович, Сериков Эрнест Акимович, Алейников Юрий Петрович, Календарёв Рахим Нихатович, когда-то бессменный староста моей учебной группы, а ныне доцент (теперь уже профессор – примечание от 2014 г.) АИЭС и ведущий в Казахстане специалист по

водоподготовке (прожив много лет в краях, где вода на вес золота, понимаешь, что это такое).

В 1989 г. мы с проректором Ермекбаевым Камилем Байузаковичем в муках создавали факультет повышения квалификации АЭИ. Нужно отдать должное как энергии проректора, так и его способности оценить конъюнктуру. Сейчас это процветающая и очень прибыльная форма обучения. Мне пришлось столкнуться с этим за границей, где различные курсы и ФПК распространены чрезвычайно широко. Теперь, впрочем, и здесь. С основания и до 1992 г. я был деканом ФПК. Не могу сказать, что чувствовал себя в этом как рыба в воде, но работал честно.

А потом началась другая жизнь. В апреле 1993 г. я с молодой женой, моей выпускницей (с доцентами это случается), и без двух недель годовалым сыном перебрался на ПМЖ в Израиль. Причин тому было несколько: полный раздрой здесь, шоковое впечатление от поездки в 1991 году на месячную стажировку в Германию, в родственник институт в Циттау, и, полагаю теперь, дремавшее где-то до поры авантюрное начало: сорок четыре года - бабье лето. А насчёт шока, то это комплекс впечатлений: от кожаной куртки невероятного шика за четыре тысячи марок в роскошном бутике в Западном Берлине (91-й год, кто помнит, тот поймёт), пятисотмегаваттного котла С1, работающего под наддувом, все площадки которого я обошёл в светлом пуховике и не испачкался (специалист оценит, как наддув соотносится с «не испачкался»), отречения Горбачева, которое я со смертной тоской смотрел по ТВ в Домодедове на обратном пути домой. Сейчас я понимаю, ехать нужно не от чего-то, это крайний случай, а куда-то и к чему-то. Этого компонента у меня, увы, не было. В тему: на иврите слово «анахну» с ударением на второй «а» - это «мы». Извечный русский вопрос там звучит так: «Анахну мы тут?..» с особым ударением, я бы сказал, на «нах». Вслушайтесь в знакомую музыку звуков.

Первые полгода отведены на изучение языка. Язык-язык... Дома ты читал лекции, оттачивал каждое слово, каждую фразу, вынашивал каждую паузу и восклицательный знак. Здесь гримасами, телодвижениями, междометиями и корявыми глаголами произносишь: «Мне знать хочу, какая цена есть у этой хлеб». Надо преодолеть. Потом начинаешь понимать, что так говоришь не ты один. Страна эмигрантов. Вот западные туристы приезжают в страну на месяц-другой и сразу начинают учить язык, который скорее всего никогда больше им не понадобится. При этом не комплексуют, а потому постигают его на удивление быстро. Методика преподавания в корне отличается от привычной нам. Никаких объяснений на твоём языке, поскольку преподаватели чаще всего не говорят по-русски. Показ-произношение-запись. Показ - это и предмет, и действие. В общем, всё не так, ребята, всё неправильно, но через три месяца начинаешь понимать,

что тебе говорят, а через полгода вдруг сам что-то ответишь спросившему, а он вдруг поймет... Это и есть та вершина, которую нужно перевалить. Дальше всё проще.

Параллельно освежал, нет, всё же учил, английский: наушники с BBC на уши и вслух, не слыша себя, в пространство жуткий синхронный перевод на русский, пока жена силой не снимет наушники и не скажет участливо: «Сейчас скорая подъедет, потерпи». В общем, как-то всё упорядочилось, в конце концов изъясняться могу. Когда в 97-м и позднее, будучи в Казахстане в бизнес-командировках, выполнял по необходимости функции синхронного переводчика, мой англо-иврито-арабо-франкоязычный босс очень напрягался, но всё понимал и, по-моему, даже был уверен, что я правильно доношу его мысли до русскоязычных партнёров. Только вот мой тринадцатилетний сын, говорящий на трёх языках, когда я пытаюсь общаться с ним не по-русски, иногда сердито говорит мне: «Юра, пожалуйста, не говори на иврите».

За эти полгода я приобрёл незабываемый опыт ударного (другого там нет) физического труда: подрабатывал ночью в пекарне-булочной, стоя за конвейером, по которому ползли колбаски теста, плёл халы. Тогда это стоило, по-моему, доллара два-два с половиной в час. В принципе несложно, но четырнадцать часов на ногах, и халы, халы, халы, халы... Начинаешь понимать народную одесскую мудрость: «Чем хорошо работать, лучше плохо отдыхать». Халы снятся мне до сих пор. Есть их я не могу.

С 1993 по 1997 я работал в Хайфском Технионе в лаборатории горения факультета аэрокосмической техники (Aerospace Engineering) в качестве инженера-исследователя (есть несколько специальных стипендий для учёных-эмигрантов) под началом доктора Якова Гольдмана, когда-то москвича. Что такое Технион? Это технологический университет, в котором есть ещё медицина, социальные науки и биотехнология. Два профессора-биотехнолога из Техниона получили, кстати, в прошлом году Нобелевскую премию. Внешне напоминает КазГУ, территориально автономен. Вход свободный, но при входе на территорию Техниона досматриваются сумки, портфели, рюкзаки, причина понятна. Въезд личного транспорта только для сотрудников и студентов из-за ограниченной мощности стоянок. На факультеты, в фонды читальных залов всех библиотек доступ свободный. Абонемент - для студентов и сотрудников, в платном варианте - для всех. Учатся все категории граждан, израильские арабы не учатся на факультетах двойного назначения, вроде того, где я работал. Много иностранцев, преимущественно китайцев. Их работоспособности можно только завидовать, повторить нельзя. Встречал румын, американцев, французов и россиян. Международный рейтинг у Техниона весьма высок.

Конец 90-х. Киббуц Ягур. Доцент и его студенты

Об организации учебного процесса много сказать не могу, не вникал. Балльная система: есть обязательные базовые дисциплины, которые оцениваются определённым количеством баллов, скажем, семьдесят, оставшиеся баллы, скажем, тридцать, нужно набрать самому, выбрав группы предметов и отдельные дисциплины, которые могут оцениваться как в десять-двадцать, так и в два-три балла. При этом набранная комбинация соответствует какой-то специализации. Это очень приблизительно, конечно. Экзамены - по стобалльной системе. 65 - нижняя граница, три с минусом по-нашему. С восьмьюдесятью баллами выпускнику трудно рассчитывать на благосклонность солидного работодателя. О попытках подкупа или фальсификации экзаменов не слышал. Студенты на это, по-моему, не идут. Нет смысла.

Преподавательский состав объективно очень сильный, я смотрел конкурсные документы на вакантную должность профессора нашего факультета - шесть

профессоров на место, из них один из Англии, двое из США, трое - израильтяне. На факультете, кстати, преподаёт профессор А. Ярин, сын известного нам профессора Л. Ярина, который в мою бытность в Технионе занимал там же позицию Visiting Professor. Голосовая нагрузка у преподавателя, полагаю, раза в полтора-два ниже, чем та, которая была у меня в АЭИ. Раз в семь лет - обязательная годовая стажировка за границей, как правило, в США. Обычно берут с собой жён/мужей. Родившиеся там дети автоматически становятся гражданами США со всеми вытекающими последствиями. Израиль всё-таки не самое спокойное место на земле. А что? И с фантазией, и практично.

За эти четыре года я выполнил несколько небольших проектов по горению угольной частицы, сушке капли, аэродинамике мультициклона и наконец мне удалось проверить, насколько близки к реальности расчётные методики, разработанные в рамках диссертационной работы. Совпали, с чем я и поздравил нас с Д.Ж. Темирбаевым.

Несколько слов об организации научной работы и оснащении. Термин «прикладная наука» практически не существует. Или наука, или проектно-конструкторские разработки, которыми занимаются фирмы - изготовители оборудования или кто-то по их заказу. Есть определённое количество грантов и субсидий для фундаментальных исследований, которые ежегодно разыгрываются на конкурсной основе. Ну и есть хоздоговоры с фирмами и госструктурами. В общем, ничего необычного. За четыре года моего пребывания в Технионе в факультетском компьютерном классе четыре раза полностью обновили оборудование. На факультете есть две очень хорошие азототрубы, сверхзвуковая и дозвуковая. При мне был десант из ЦАГИ, оценили. Я свои проекты выполнял главным образом на укороченной до одной ступени газовой турбине, но настоящей, с камерой сгорания, адаптированной для сжигания газа, дизтоплива и угольной пыли. Вообще экспериментальные результаты ценятся чрезвычайно высоко, поэтому имея за душой опыт и результаты, можно найти взаимопонимание и поддержку. Что нужно отметить особо, это интегрированность Техниона в мировую научную деятельность. Проводятся ежегодные международные конференции по горению (я говорю только о том, что мне близко и в чём принимал участие сам) на базе Техниона, Тель-Авивского, Иерусалимского и Беер-Шевского университетов поочерёдно. Рядом со мной на факультете какое-то время работали два иностранных докторанта. Американец Джеймс изучал поворотное сопло, по-моему, Су-30. Француз Патрик, симпатичный парень, в Израиль заехал из Голландии с женой Валентиной из Владимира, говорил на всех языках - этот изучал продвинутую систему распознавания «свой-чужой», которая только начала применяться на последних МИГах. Это к тому, что

всё новое сразу идёт в дело. Очень впечатлило, когда эмигрант-профессор Димитров Василий Иванович страшным голосом кричал по телефону какому-то генерал-лейтенанту в российский ЦУП: «Серёга, какого... там у вас происходит!!?», когда «Тополь», неудачно запущенный из Плесецка, похоронил технионовский спутник, который не был застрахован... Бережливость, национальная черта.

В 1998 я познакомился с классным нефтепереработчиком, приехавшим из Грозного, Анатолием Вишневым, и мы на паях (серьёзная теплотехническая часть предопределила моё равноправное участие) запустили проект по глубокой переработке нефти и получению парафина. В Израиле развитая нефтепереработка (своей нефти нет), однако, как и в Казахстане, парафин, самый дорогой нефтепродукт, не производят. Что значит «запустили проект»? Существует сеть так называемых технологических теплиц. Готовишь проект, отдаёшь в экспертизу, защищаешь, ждёшь: дадут - не дадут. При благоприятном исходе и наличии инвесторов получаешь около полумиллиона долларов на два года, и - флаг в руки. Критерий - выход на мировой рынок. Проект наш был довольно экзотический, с применением ультразвука для формирования кристаллов парафина. Вспомнил юность, институт металлургии и обогащения. Впрочем, там немало экзотических проектов, кпд теплиц невысок, однако некоторые проекты «выстреливают», поэтому государство «инкубаторы» поддерживает. Общество относится к ним с сомнением, но терпит и поддерживает.

В сентябре 1999 я оставил Анатолию наше совместное хозяйство и откликнулся на призыв двух международных бизнесменов, набравших штат советников для работы в Казахстане. Так я оказался в Степногорске, на бывшем ЦГХК, а ныне ЗАО КазСабтон, где и проработал в качестве технического куратора и руководителя энергокомплекса до июля 2002. В порядке отступления вспомню фразу, произнесенную Михаилом Козаковым после его возвращения в Россию из эмиграции в ответ на вопрос: «Вот вы говорите, там хорошо, почему же вы вернулись, что вам там не понравилось?» - «Мне там я не понравился». Это горькая правда. Чтобы прижиться в эмиграции, нужно покончить с прошлым. Чем жёстче и решительнее, тем лучше. Нет - будешь чувствовать себя, как распятая лягушка. Можно ещё одно стихотворение в тему? Не славы ради... Я назвал его «Пикник»:

Шабаш и баста! Запирай контору,
беги в шинок, картошку отвари,
все на пикник, на дачу, к черномору,
жизнь - приключение, что ни говори.

Как витязь в бой, как сукин сын на вязку,
как я хотел за этот перевал!
Там чудеса, там леший, всё как в сказке.
Теперь добрался и затосковал:
кавказский князь, красавец и задира,
тачает дратвой чьи-то сапоги,
за кофе бабы курят трубку мира
и не простые бабы, а яги.
Хоттабыч тихо дремлет за дувалом,
али-баба на боевой тропе...
Да, занесло, поллитры будет мало.
Из сказки - леший, да и тот в кипе.
Ну, ладно, завтра встану спозаранку,
стряхну росу, плохое отмолю,
на землю кину скатерть-самобранку,
глотну вина, картошку посолою,
потом тоску на нет разбавлю красным,
потом глаза прикрою, а потом
оборочусь иосифом прекрасным...
Нет, бог с ним, с йосей, ваней-дураком.
На печь залезу, пусть подсадят снизу,
к камням нагретым прислонюсь спиной,
зажму в кулак просроченную визу
и прикажу печи: Давай домой.

В общем, возможность вернуться в родной мне Казахстан, пусть временно, но с надеждой на большее, была неодолимо притягательна. Этот период жизни характеризуется очень хорошей зарплатой и, пожалуй, всё. Разваленный энергокомплекс, не работающее основное производство, а поскольку ЦГХК – это градообразующее предприятие, то и безработица, разъезжающиеся специалисты - люди, всю жизнь прожившие в условиях, максимально приближенных к коммунизму, а потому с особым трудом приспособившиеся к наступившему будущему; пустующие дома, неплатежи за энергоресурсы, развал энергокомплекса. Замкнутый круг. Осознав это, инвесторы понемногу избавились от бизнеса в Степногорске, ограничив свои интересы фосфорной промышленностью юга Казахстана. В июле 2002 я отправился к семье, укрепившись, впрочем, в желании вернуться. С весны 2003 нахожусь в Алматы на вольных хлебах. Доволен ли жизнью, положительно ответить затрудняюсь, впрочем, это скорее черта характера, чем положение вещей.

Конец 90-х. Нешер. Семья

2005 год. Алматы. 30-летие института

2007 год. Алматы. ТЭС-67, 35 лет спустя.

О семейном положении я упоминал: женат, у меня два сына: двадцати девяти и тринадцати лет - лучшее, что я сделал в жизни. У старшего годовалый сын. К сожалению, последние шесть лет я очень редко вижу семью. Это тяжело.

Часто, но всегда с трепетом захожу в родной институт. Радуюсь тому, что он выжил в тяжёлое время и, по-моему, на правильном пути. Атмосфера института...Те же юные лица, те же разговоры: курсовой, дискотека, сессия, доцент-зверь, сдал!.. Только вот мои друзья поседели. А кого-то уже нет...Что поделаешь? Время идёт, жизнь продолжается.

Опубликовано в книге «Алматинский институт энергетики и связи: история становления и развития». 2005 г.

Имя

Вечерний разговор по скайпу с женой начался её вопросом: «Подскажи хорошее имя для кота?»

«Что?» - не понял и переспросил я.

- «Имя для кота. Не кошки, а кота. Ты только не ругайся, ладно. Он был такой маленький, вышел из кустов возле дома и еле слышно мяукал. Если бы я его не взяла домой, он бы погиб в тот же день. Его мама бросила. Он у нас уже месяц. И сын к нему привязался».

Кошки и коты появлялись у нас в доме регулярно, но как-то не приживались. У них у всех портился характер, некоторые исчезали, некоторых, как очень красивую рыжую персиянку, которая почему-то игнорировала привлекательный тазик со специальным песком и метила в квартире все труднодоступные места, пришлось отдать кошачьему доктору. Тот пристроил ее в хорошие руки, и, по слухам, там она стала вести себя прилично.

Персиянка оказалась в нашей квартире после того, как жена, обучаясь частным образом основам лечебного массажа, провела кому-то массажный курс. Эта кто-то расплатилась с ней маленьким котенком, который потом оказался кошечкой. Делать нечего, плата за труд – это серьезно. Когда Лусию, а жена, когда окончательно разобрались с гендерной принадлежностью животного, выбрала такое имя, принесли в дом и по неопытности опустили на пол, она исчезла. Дело в том, что полы здесь в Израиле – это шаиш, полированный искусственный гранит в основном песочно-рыжего цвета. На нем рыжая Лусия сразу перестала быть видимой. Мимикрия. А так как она подавала голос только тогда, когда ей на что-нибудь наступали, а если ее звали, просто бесшумно подходила и молча смотрела своими прекрасными золотистыми глазами, кто это тут выкрикивает сипнувшим голосом её имя, то первое время мы ходили по квартире, как полотеры, не отрывая подошвы от пола. И если Лусия и попадала под ноги, то её просто немного отбрасывало в сторону, как мягкую хоккейную шайбу. Она не жаловалась. Но такое поведение больших и сильных людей вокруг породило в ней мстительность, а как мстить, она догадалась, когда увидела, что я плохо переношу резкий персидский запах в квартире.

По поводу кошек мы с женой время от времени ссорились: она, как большинство женщин, не могла пройти мимо трогательного существа,

пытающегося добраться до твоего башмака, стоит на минуту приостановиться рядом. Я же страдал от запаха кошачьих следов и, кроме того, естественно, переживал, когда очередной наш питомец куда-то исчезал на время или навсегда. Для жены это становилось трагедией, и мне приходилось переживать ещё и за неё. В общем, всё это было утомительно и не оправдывало сомнительного удовольствия от совместного проживания с симпатичным, но крайне эгоистичным созданием, безразличным ко всему, кроме миски с кормом.

Израиль – это кошачий рай. Во всяком случае, так это выглядит для меня, человека, которому довелось пожить и в других местах. Там, бывает, ясноглазые отроки стреляют по кошкам из рогаток, привязывают им к хвосту консервные банки, от грохота которых перепуганные животные никак не могут убежать и лишаются рассудка, а самые любознательные иногда и казнят их через повешение, интересуясь поведением кошки в последние мгновения её жизни. Здесь с такими уродцами встречаться не приходилось. Может быть, они и есть, но, слава богу, это уголовно наказуемо, а система наказаний в Израиле отработана и сбоев не дает, в отличие, увы, от медицины или школьного образования. Хорошо, что кошки не учатся в школе. Здесь тепло, в мусорных ящиках много качественной еды, сердобольные израильтяне животных любят и постоянно подкармливают их в том числе и кошачьим кормом, специально приобретаемым для такого случая. Чтоб я так жил.

Но всякий рай имеет оборотную сторону. Уличные кошки плодовиты, а потому многочисленны. Как я уже рассказывал, стоит ненадолго остановиться, как откуда-нибудь может появиться приличного вида рыжая, серая, черная – цветовая гамма богата – мамаша, а за ней пять-шесть разномастных котят, похожих, надо полагать, каждый на своего отца. Кошки здесь, как и везде, полигамны. Она садится в некотором отдалении, начинает строить глазки и негромко, но требовательно мяукать, а котята подходят поближе, прямо к штиблетам, и непрерывным писком вторят ей, добавляют убедительности её выступлению. Бывает, что мамыши исчезают куда-то и бросают свое потомство на произвол судьбы. Тогда котята обречены на гибель.

Случилось так, что мне пришлось надолго оставить семью, я подался на заработки. За много тысяч километров и много границ. Жил я один. Были у меня рабочее место в офисе, однокомнатная квартира, компьютер в ней и автомобиль. Кошки не было.

Когда вечером на экране замаячил сигнал скайпа, я как раз сводил финмодель какого-то бизнес-плана, в общем, был занят.

- «А что тут думать-то, назови Васькой». Это я, конечно, расслабился. С женщинами нельзя так прямолинейно. С женой тем более. Отвык вдали от дома.

- «Васькой? Нет, знаешь, простовато как-то. Банально. Да и котов здесь по-другому называют».

Жена считает, что имя животного определяет его судьбу. Еще - в имени кота должны быть акцентированные шипящие звуки. Кота поэтому и подзывают-то: «Кс-с-с» (израильский вариант «Пс-с-с»), это ласкает кошачий слух. Тем же правилом она руководствовалась в недавней своей юности, когда мы с ней встретились: дружелюбного черного дворового песика, которого её бабушка звала Тузиком, она называла Рикó – в имени собаки должно быть много «р». Тузик, когда я с ним познакомился, был животным жизнерадостным, хорошо откликался на оба имени, на чмокание губами, свист и простое хлопанье ладошкой по колену и раздвоением личности не страдал. Но собака – это не кот.

- «Ну, хорошо. Назови его Мусик». Был у нашего израильского товарища родственник с таким именем. А у родственника этого был свой бизнес: ресторан и магазин. Солидно.

Жена задумалась: «Нет. Имя для кота подходящее, конечно. Но для нашего мелковато. Да и Мусик разорился недавно, я слышала. От кредиторов бегают».

Сразу соглашаюсь: «Да, мне тоже не очень».

- «А Моисей?» И выразительно, и масштаб, и привязка к местности, и звучит по кошачьим меркам вполне прилично.

- «Я же серьезно! А ты!.. Да и все равно Мусик получится. Ну, Мосик. В общем, подумай. Только недолго, ему пора имя иметь. Кот не должен оставаться без имени, привыкнет, потом не дозовешься».

- «Ладно, дай пару дней. А какой он?»

- «Он замечательный! Умный, сразу к своему туалету привык, только туда ходит. Он был такой маленький. Сам ко мне из кустов вышел. Его мама бросила. Он бы погиб...»

- «Подожди, подожди. Это я понял. Какой он? Окрас, что там ещё».

- «Он мужественный и красивый: глаза большие, ноги длинные!.. Цвет? Цвет серый. На лице белое пятно, животик белый. Очень красивый! И умный. У тебя видео на компьютере установлено? Я тебе его покажу».

- «Нет. Аппарат старенький. Да и линия медленная здесь. Фото пришли... Ладно. В живом режиме трудно долго разговаривать. Я придумаю. Только,

договорились – за этим смотри, чтоб не сбежал. Очень уж мы к ним привязываемся. Я, между прочим, тоже».

Я человек системный. Если есть задача, её нужно решать, причем решать хорошо. Или не браться. Ну, а с моей супругой не браться за решение поставленной ею задачи – себе дороже. Значит, за дело.

- «Красивый и мужественный... Сильвестер. А как его выкликать-то? Силя? Или Веся? Н-да, не годится».

- «Муссон. Круто! Брутально! ...Муся...Соня... Тоже не то».

- «Кассиус. Великий Мухаммед Али, между прочим, в первом своем воплощении был Кассиусом Клеем. Боец, красавец! Только вот паркинсоном теперь хворает. Кася... Сиус... Сися...»

- «Кассиопей – вот! Сиквел, мужская версия. Оригинально. Сама Кассиопа была скорее хвастлива, чем красива. Впрочем, для Африки, наверно, сойдет. Но кончила плохо. Живьем на небо да ещё вверх тормашками! Опять же: Кася, Кася!.. Или Сипа, Сипа!.. Тьфу! Ладно, первый тур прошла... Прошел».

- «Месопотам. Эк меня растащило! Вроде, местный колорит прослушивается. Где-то недалеко от Израиля, кажется. Или нет? Учил ведь в школе. Там ещё Тигр и Евфрат текли. А звать можно: Месси, Месси!.. Такого форварда поискать! Тоже годится.

Уличные кошки в Израиле немного отличаются от наших. У них чуть более вытянутые носы, но это вообще здешний тренд. Они попроворнее, ведь несмотря на обилие провианта, им приходится состязаться за место под солнцем ещё с мангустами и даманами, которых здесь немало. Хотя извиняюсь, за место под солнцем в Израиле не борются. За место в тени, конечно. К человеку кошки относятся с осторожностью, но без страха, человек им не враг. Ну и у большинства уличных кошек тяжелый, а то и мутный взгляд: то ли дикость в нем отражается, то ли животные просто не вполне здоровы, вакцинацию-то они не проходят.

- «Маузер. Музя...Узя...Изя...» - пусть мучается! Я устал и начал раздражаться. Измельчал. Когда-то сыновьям имена выбирал, теперь вот коту придумываю. Кто следующий? Мышь, муха...

Через два дня у меня были готовы несколько вариантов имен и аргументы в пользу каждого. Кроме того, я купил и установил на компьютер веб-камеру и видеодрайверы. Работала она, правда, неважно: цветопередача хромала, да и ресурсов моего пожилого компьютера было недостаточно, тестовые картинки

двигались скачками, как в старых анимационных фильмах. Когда я настраивал собственное изображение, настроение вовсе ухудшилось. Дрянь камера!

На экране возник сигнал скайпа. Жена. Я подвинул к себе листок с кошачьими именами, окинул их взглядом, нажал кнопку... С экрана на меня смотрело юное кошачье лицо. Огромные чуть прищуренные чистые зеленовато-желтые глаза, нежный розовый нос на белом треугольном фоне, переходящем по краям в чудесный серо-бежевый окрас, кокетливая родинка между верхней губой и носом, длинные белые усы, уходящие за рамку экрана... И над всем этим замечательно большие и ровные треугольные уши. Немножко азиат, конечно. Но наш, родной. И никакой он не Маузер и не Кассиопей. Как бы это жене поделикатнее сообщить?.. Котенок на экране вдруг напрягся, это было заметно, что-то произнес и исчез, надоело, наверно. Через полсекунды я услышал в наушниках нервный детский мяв. Всё-таки, сигнал здорово запаздывает: линии неважные да и далеко.

- «Ну, видел?» - довольная жена появилась на экране, - «Вот такой он у нас, Василий. Мы его очень любим».

...Всё когда-нибудь заканчивается. Если бы не так, жизнь была бы бесконечна, скучна и безрадостна, как хроническая болезнь. Закончилась и моя разлука с семьей. Я сижу за домашним письменным столом, передо мной открытый ноутбук. Завтра сдаю проект. На мониторе ноутбука финмодель бизнес-плана. Я занят. Из коридора бесшумно появляется кот Василий. Ему скоро четыре года. Он заметно подрос и выглядит полноватым, но это не так, просто здоровая пушистая шерсть, которую он, пренебрегая человеческими условностями, непрерывно вылизывает, полнит его. Василий усаживается на полу напротив меня так, чтобы я видел его, и молчит. Он хорош собой: серый с бежевым окрас, пухово-легкая белая шерсть на груди, белый треугольник лица, обрамленный серо-бежевым по краям, родинка-мушка между нежно-розовым носом и верхней губой, аристократично длинные белые упругие усы и брови... Красавец.

Стал ли он мужественным, сказать трудно. Не было случая проверить. Соседский пес Дизель панически его боится и старается избегать случайных встреч. Когда ему удастся улизнуть на улицу, он ввязывается в кошачьи драки. Нам это не нравится, но заманить его домой не так-то просто, бывает, что на это уходит полдня. Сидит в кустах, отводит взгляд, делает непонимающее лицо, на имя не отзывается. Может, опоздали тогда с именем-то?

Он научился открывать все двери в квартире, и межкомнатные, и мебельные. Что поделаешь, ему интересно. Он молод и полон сил. Приходится придумывать всякие запоры и защелки, ведь в шкафах есть кое-какое имущество, лишиться

которого не хотелось бы. Ещё он умеет прыгать в высоту. Говорят, это природное. Когда я вижу, как он, потеряв надежду открыть лапой запертую входную дверь, вдруг прыгает к самому её верху, явно намереваясь достать один из подвешенных там ключей, я думаю, что он, возможно, не вполне Василий, а немножко всё-таки Муссон или даже Кассиус.

Он любит сидеть внутри оконной рамы на кухне и наблюдать за птицами, которые суеются в ветвях за окном. Время от времени он пытается разговаривать с ними, издавая чуть слышные нежные звуки, которые, видимо, кажутся ему птичьим щебетом. Ни разу не видел, чтобы птицы откликнулись, но его это, похоже, не волнует.

Когда ему что-то нужно, он зовет нас. Если мы бодрствуем, он зовет нас голосом. Голос у него требовательный. Приятный?.. Воздержусь от комментария. А ночью – а ему нередко хочется чего-то и ночью – он забирается на кухонный стол, аккуратно подталкивает к краю находящиеся на столе предметы, сбрасывает их на пол и внимательно наблюдает сверху, как они перестают там прыгать и обретают покой где-нибудь в углу. Потом принимается за следующий. Этого достаточно, чтобы мы проснулись и откликнулись на его зов. Правда, нужно ещё угадать, чего он хочет. Если его тарелки с кормом и водой не пусты, то это просто.

Когда он был совсем маленьким, жена помогала ему справляться с едой, поглаживая его по животику во время трапезы. И он привык. В обычной жизни этим занимается родная мать, вылизывая котенка при кормлении. Сейчас, даже будучи голодным, он не приступает к обеду в одиночестве, зовет и ждет, пока кто-то из нас погладит его, склонившегося как бы в раздумье над тарелкой с первосортным кормом.

Василий сидит и смотрит на меня ясными зелеными глазами – они теперь окончательно позеленели – широко зеваает, потом требовательно мяукает. Я встаю, он тоже проворно встает и направляется в сторону кухни, указывает правильный путь. Я сажусь на место. Он возвращается и строго смотрит на меня. Потом мяукает снова. Ещё чуть-чуть и обидится. Я ударяю по кнопке Save и встаю. Пора обедать. Не мне, Василию. Это святое. Он член семьи. Пожалуй, главный.

Нешер. 2011

Диалоги

-Диалог - это когда двое разговаривают друг с другом?

-Ещё и слушают друг друга. Большая редкость, однако.

-Василий, ну что ты опять орешь?!

-Орешь, орешь... Не ору я. Мяукаю негромко, как все коты. Не кошки, коты. Послушал бы ты, как кошки кричат! Ах, кошечки, кошечки... Очень секси, кстати, кричат. Впрочем, всё это не моё, сам знаешь. Да и не твоё, думаю, тоже, хе-хе. По причине возраста и усталости. А мяукаю я потому, что ты мне опять в тарелочку семечек этих с мясным ароматом насыпал, а сам вон уселся перед компьютером. А гладить меня кто будет?! Вот я и реагирую. Уж как могу, извини.

-Сейчас, Васенька, сейчас. Ну что тебе опять нужно? Видишь же, я только что встал. Тороплюсь, блин! Работать нужно. Вон же у тебя полная миска. Сам, пожалуйста, сам. Прекрати мяукать, я сказал! Некогда мне.

-Сам, сам! А погладит кто, блин, как ты выражаешься?! Ты вон себе опять кофе готовишь, сыр-творог с домиком (слово коттедж там на иврите написано - это для тех, кто читать научился), поллепешки согрел в микроволновке – вкуснотища! На подносе своём всё расставил слева направо — и к компьютеру. А я?! Опять эти семечки проплан с мясным ароматом и всякими добавками против блох да волосяных комков?! Сам грызи! И вместе послушаем, как замяукаешь! А не погладишь – обидишь навсегда. Кровником станешь. Сам-то сейчас сметешь всё с подноса, от компьютера не отрываясь. А что там, в этом компьютере?! Я краем глаза заглянул – пальцами все со всеми спорят да полсотни сказочных новостей с полусотней же опровержений в минуту появляются. Слышал я, мол, кошки плохо поддаются дрессуре. По сравнению с тобой – точно, плохо. Отвлёкся... Сейчас сметешь всё с подноса, быстро в душ, бегом к машине, а уходя из-за двери скажешь громко: Пока, Василий, за старшего остаешься. Не от души скажешь, на публику. На случай, если кто-то в подъезде услышит и смекнёт, что дом не остался без присмотра. Ну да, конечно. Я же дома. И тарелочка с семечками проплан. На работу с собой возьми, пообедаешь. Блин!

-Пока, Василий. За старшего. Я вернусь, ты знаешь.

-Знаю, знаю. Отдохну пока от тебя. Ну что за скверный характер! Ведь не всегда же ты такой. Принес же ты мне на днях прекрасную картонную коробку,

огромную как дом. Там так замечательно можно поскрести когтями по картону. А где мне еще когти заправлять?! Диван был очень удобный, кстати. Ты помнишь, сколько крика было из-за этого дивана!? Это тебе не кошки орут. Ты похлеще будешь... Был. Бывал. А диван, вот он, стоит благополучно. Состарился, облез. И никто теперь не переживает, ободран он или нет. А коробка, если её стенки хорошо поскрести, приносит много полезных кусочков картона, которые потом можно замечательно погонять по полу. Какого... извините, ты гоняешься за ними со шваброй и метешь, и метешь?! Ты большой и сильный. Метешь мои кусочки картонные, блин! Но я тоже упорный. Ещё наскребу.

-Васька!.. Ну что ты о ноги трёшься?! Уронишь ведь до смерти! Один останешься. С голоду помрешь, блин! Чего опять выпрашиваешь? Миска полная, вода есть, а? Хочешь – попроси. Нечего о ноги тереться!

-Выпрашиваешь?! Эх ты! Не стыдно? Я тебя от дряни какой-то, от скверны очищаю. Блин, как ты выражаешься. Воняет от тебя!.. Сейчас вот битумом каким-то. Ты смолокур, что ли? Я знаю, ты опять на крышу эту взбирался. И что ты такой беспокойный, а? Ну капает с потолка, когда сильный дождь на улице. Ну да, не капало раньше, а теперь закапало. А зачем халтурщиков на ремонт крыши нанял? Не гонялся б ты за дешевизной... А зачем вообще на последнем этаже квартиру купил? Хотя, с другой стороны, здесь по голове никто не ходит, не шумит и не пугает. Ладно. Но тебе-то что там делать, на крыше? Чай не мальчик уже. Рухнешь до смерти, как сам говоришь, один останусь, с голоду помру. Так что, возвращаясь к вопросу, трусь я о твои ноги, чтобы дух от тебя поприятнее был. Считай, дезо... ароматизирую правильным ароматом, короче говоря.

-Куда ты опять?! Почему мимо? Я же показываю тебе, каждый раз показываю правильную дорогу! Вот она, тарелочка! А ты опять мимо промчался, чуть мне на хвост не наступил! С тебя станется. Что там у тебя? Чайник закипает? Так он сам выключится, не в каменном веке живем. Нет же, мчишься, блин! А тарелочка-то вот она.

-Ну, что ты меня всё время к своей миске ведёшь?! Полная же она, пол-на-я!

-Тарелочка моя не бывает полная. Даже если сейчас там есть что-то – и это ты называешь полная? – то потом там всё равно будет пусто. А это вызывает тревогу, естественную и понятную. Только не тебе, блин! Да если бы и временно полная, так что? А погладить? А поговорить? Я-то тебе всё время рассказываю

что-нибудь хорошее, хоть и не очень-то ты заслуживаешь. А ты? «Васька, замолчи! Васька, не ори!..» Как в этом жить?..

-Василий! Василисий, твою мать!!! Зачем ты опять наблевал?!! И если уж наблевал – знаю, бывает – то почему в трех местах, блин?!! Что уши-то прижал, а?!

-Хм, в трёх. Походи ещё, на комод – или как там его (хорошее, кстати, место, высоко и шкуру какую-то ты удачно положил, боишься, что я комод – или как там его – поцарапаю?! Правильно боишься) – загляни. А что я могу сделать? Шерстку-то я должен чистить или нет? Чистить – это языком, неразумный мой. Вылизывать. А волосинки куда девать? Всё внутрь да внутрь. А они не перевариваются. Питательные свойства у них так себе. Так что возвращаю туда, откуда взял. Или, по крайней мере, туда, где им место.

-Васька, а на сервант-то зачем, блин?!! Хоть бы на пол! Как я эту тряпку с трёхсантиметровым дубовым ворсом чистить буду?!! Жрать не дам больше! Всё равно, всё не впрок. Не дам!!

-Пережду немного. Под кроватью. Она широкая. Дашь, куда денешься.

-Василий! Оголодал?!!

-Что бы ты понимал? Разнообразие хочется. Нельзя без этого. А какое разнообразие в четырех стенах, а? Стены меняются, а все равно четыре...

-Ты зачем мои носки изжевал, блин?!! Я их один только раз надел на полчаса. И что? Постираю, конечно, но ты же, вражина, и следующие изжуешь! Настоящие уважающие себя коты носков не жуют!

-Откуда ты знаешь, что жуют настоящие коты?! Настоящие! А ты вот зачем опять бумажки-картонки подметаешь, управы нет на тебя?! Я специально картонок наскреб в коробке и на пол хорошо набросал, только-только поохотиться собрался. Да знаешь ты, что такое настоящая охота для настоящего кота?! Вот то-то, шваброблюб.

-Вася! Не грызи вентилятор!! Ну что тебя всё время тянет на подвиги?! Это вентилятор. Их никто не ест. И не грызёт. Тебе-то зачем? Ну, хорошо, решетка частая, не опасно. Но ты же грызёшь! А прогрызешь?! Мало не покажется.

-И что ты забыл в шкафу?! Ночевал там? А кто будет за тобой шерсть выгребать? Ладно, бог с ним. Но зачем ты всю мою обувь оттуда повыбрасывал?! И где теперь искать тапок? Один здесь, второго не вижу. А?! В прошлый раз я его под холодильником нашел. Под холодильником! Туда спичку засунуть сложно, а ты тапок сумел, Вася! Тебя бы к чему-нибудь полезному приспособить. Так нет же, не получится...

-Самого бы тебя к чему-нибудь полезному приспособить. Большой, сильный, а капризничаешь, как ребенок. Ну, захотелось мне сегодня в шкафу прикорнуть. Тревожно что-то было на душе. У тебя не бывает, что ли? Слышу я, как ты порой кричишь по ночам. Тоже наверное страшно. Или одиноко. Разве не так? Давай ко мне в шкаф. Всё выкинем, курточку твою мягкую светлую постелим, с вешалки стянуть не проблема. Места хватит.

-Василий! Ну что ты опять канючишь?! Видишь же, устал я. Как собака устал!

-Какая ещё собака?! Почему собака?! Не устают они, дрянные! Лают и лают, лают и лают, бестолочи бессмысленные и бесчеловеч... бескошачные. Житья от них нету. Мне-то всё равно, я дома живу, здесь, с тобой. Без собаки. А житья нету. Да. А ведь как я тогда этого мелкого зловредного рыжего Дизеля гонял! Уж я его гонял-гонял! Гонял-гонял!! Гонял-гонял!!!. Н-да... Неплохое было время. А ты-то чего устал?

-Да прекрати же ты канючить, блин!

-Что ты сделал, а?! Что ты сделал?! Ты почему холодильник закрыл?! Ты же всё правильно начал делать: к холодильнику правильно подошел. Открыл правильно. А потом что? Глупость какую-то ненужную достал в кулёчке, откусил что-то. Оладья, что ли?.. Почему ты? А я?! Там вверху слева — ты прекрасно это знаешь — полбанки замечательного паштета стоит. В пакетике с прищепкой. Вчера мы банку открыли. Ты тоже иногда правильные поступки совершаешь, блин, как ты любишь говорить. Оладья, блин! Раз вчера мне половина банки досталась, значит, сегодня другая половина положена. А ты?!!

-Васька, потерпи. Рано еще. Попозже дам тебе твой паштет.

-И чего ты устал, спрашивается? Ну, с утра куда-то принарядился: трусы в обтяг, майка синяя с красным - ничего себе, шлем дырявый, перчатки без пальцев на липучках... Мерида, мерида... Тоже мне, пистольеро-контадор! Тебе бы саван да лампадку... Так ты, кажется, где-то написал о себе лет двадцать назад. Никогда так не шути, все слова делами оборачиваются. Ну вернулся через полтора часа. Ничего, бодрый. А вот чего тебя сразу понесло трещины в потолке

алебастром замуровывать? Теперь на белого клоуна похож, только потный очень. Ладно, верю, что устал. Только дай паштет сначала, потом делай, что хочешь.

-Вот-вот-вот, там слева вверху. Маленькая баночка с паштетом в пакетике, аккуратно прищепкой прихвачено. Ты молодец, аккуратный. Перфекционист. Давай выкладывай вот сюда. И желе, желе выбери всё, не оставляй там на выброс. Ну вот, наконец-то. Иди пока. Над паштетом можешь не гладить.

-Васька! Ну что ты всё время под ногами крутишься?! Куда я, туда и ты! Или уже там. Задранным хвостом дорогу указываешь. Вертихвост грациозный, блин!.. Была у меня студентка. Куда бы я ни шел, она уже там. Или туда... Глаз не оторвать! Да, было... Та в конце концов своего добилась. Тебе-то это зачем, кот? Да и мне как-то не по чину нынче. Брысь, короче говоря.

-Даже и не мечтай! Что ты там из холодильника достаешь? Думаешь, я сплю здесь на диване, ничего не вижу, ничего не слышу? Кимарю я. Всё контролирую. Иначе как бы я в природе выживал, а? А ты сейчас мясо индюшачье тушеное достанешь, вку-усное. Для себя! Втихую сжуёшь?! А я?! Пора к холодильнику.

Нет, два хороших кусочка отщипнул, положил мне в тарелочку. И что? А погладить? А слово хорошее сказать?! Как подачку нищему уличному коту! Ладно, некогда. Сейчас по-быстрому мясо употреблю и пойду на диван, к тебе поближе. Посмотрю, как ты со своей порцией справляешься. А вдруг тебе что-то не понравится или просто лишним окажется. Я готов. Всегда. Жизнь - она ненужному не научит.

-Василий! Вот что у тебя за странные информационные предпочтения? Какого черта ты Аль Джазиру включил? Да и где ты ее нашел? Да еще на родном её языке. Ладно бы на английском или иврите. Иврите — ха-ха... Смешно. А по существу — зачем ты всё время спать на пульт укладываешься? Йог, что ли? Да ещё кнопки во сне перебираешь. Ладно, раньше по одной нажимал, теперь уже три подряд успеваешь. Куклачёв-самоучка, блин!

-Что-то ты сегодня добрый: «Ну, что ты хочешь, котинька, что ты мяукаешь?» Интересно, это не опасно? Что хочу?.. А то ты не знаешь! Хотя, честно гово..., честно мурлыча, это я так, на всякий случай. Ты мне сегодня и так уже отвалил хороший ломтик салмона, я доброе помню, что бы ты обо мне ни думал, а потом

еще из баночки печень тресковую дал. От себя оторвал. Так что это я на всякий случай. Закон такой есть межвидовой: не попросишь — не получишь. Надежно работает, кстати, только в одном направлении, наоборот не всегда. А добрый ты такой потому, что ночью тебе было совсем плохо. Я слышал, как ты кричал. Зубы, наверно. У меня тоже бывает. Один мой зуб вон черный совсем. Когда ты был на работе, я в зеркало в ванной взглянул. А что? Неплох: глаза, усы, уши... Не стыдно. Заменял бы, кстати, зеркало, что ли. Облезлое какое-то. Особенно внизу, где мне смотреться удобно. Выше вроде ничего себе. Но что мне туда прыгать, что ли? Высоковато будет. А ведь мог когда-то, мог. Надо будет попробовать завтра. Это если ты на работу пойдешь. По виду твоему не скажешь, что сможешь: щеку разнесло, лекарства принимаешь без счета. Да за сердце держисься. Ты, давай, поаккуратнее. Если случится что, я один останусь. В запертой квартире да со всем этим, случившимся... Блин, как мы с тобой оба теперь говорим. Лучше бы не надо.

-А вот это хорошо: полбанки паштета с желе мне в тарелочку положил. Не зря я, выходит, мяукал. А что добрый — это не опасно. Наоборот. Завтра опять нужно попросить. Хотя, что особо просить-то, если сегодня полбаночки получил, вторые полбаночки завтра. Автоматически. Ладно, попрошу. Меня не убудет, зато пообщаемся.

-Вася!?? И чего ты испугался? В дверь звонят? Чужие, да? Какие же они чужие? Это, между прочим, инсталлятор пришел, входную дверь стальную будет устанавливать. Так всем спокойнее. Сейчас я ему открою. А ты не пугайся, пожалуйста. Помнишь, как соседского Дизеля рыжего на старой квартире шугал, а? Этот не страшнее.

-Это кого ещё принесло?! Чужой. Опасный! И несёт на себе что-то большое и страшное. Да это же дверь! Ужас!! Не может такого быть в нормальной жизни, чтобы дверь вот так беспорядочно перемещалась. Это катастрофа!! Надо ноги делать!

-Вася! Вася!! И куда ты пополз? Ну, ты удивил! Никогда не думал, что коты так ползать умеют. Пластун. Ты камбала, что ли, Василий?! Ну-ка иди сюда. Дай-ка я тебя на руки возьму.

-Блин, Васька! Ты что царапаешься?! До крови! Я к тебе со всей душой, а ты!? Предатель! Я с тобой в разведку никогда не пойду.

-В какую ты разведку собрался, бледнолицый брат-хозяин?! Ты утром тапки у кровати с первого раза нащупать в состоянии? То-то же. Майку через голову

пятьдесят на пятьдесят задом наперед надеваешь, как ни примеряешься. Хоть из стойки, хоть с разгона. Чингачгук, блин! По-моему, эта бродячая дверь на тебя фатально влияет. Я-то чувствую. Не мешай передислоцироваться!

-Васенька, дружок, подожди! Подожди, говорю!! Ну, куда ты?! Я же полмою, мокро везде. Посиди у себя на шкафу, смотри, как там замечательно.

-Васька, блин! По-человечески ведь прошу! Куда?!! Брысь! Уходи с постели сейчас же! Мокрый весь и грязный. Уйди куда-нибудь. Нет! Только не в свой туалет, пожалуйста! Что у тебя все желания сразу проснулись, а?! Теперь песок липкий везде потащишь. Мне, что, снова всё мыть?!

-Мыть, мыть... Кто так моет? Надо сначала пылесосом (страшная вещь, между прочим. Так воеет, так воеет. И засасывает). Вон хозяйка как делала, пока не исчезла куда-то совсем? А так: раз в месяц или два всё-всё пылесосила, а потом всё аккуратно мокрой тряпкой мыла. С мылом. Так противно было. Но чисто. А ты? Шваброй страшной помашешь, пыль по углам разгонишь. Потом мокрой тряпкой всю ее из углов вытаскиваешь, а когда высохнет — бумажкой пылинки и волосинки с пола собираешь. Дай мне хоть по мокрому побегать, детство босоное на минутку вспомнить. Хоть и не помню я его совсем.

-Вася! Вася!! Ты где?!! Блин!!! Под кроватью нет. На подоконниках нет. На стуле под столом нет. В коробке нет. За стиральной машиной нет. Сбежал? Это катастрофа! Пропадет. Вася-а-а!!!

-Ну что ты опять нервничаешь? Я здесь. И ведь, главное, ты же знаешь, что если меня нигде нет, значит, я здесь, на длинной антресоли над кухонным столом и холодильником. Здесь классно: высоко, немножко пыльно, с одной стороны стенка, с другой бортик, за которым приятно лежать, иногда приподнимать уши и прислушиваться к тому, что происходит внизу и вокруг. И кто виноват, что ты даже со стула меня не видишь? Туфли на высоком каблуке надень, что ли.

-Васенька! Ты где?! Опаздываю я, уходить нужно!

-Все опаздывают. Я о хорошем думаю сейчас. А ты: Вася, Вася! Мешаешь.

-Василий, смотри, что здесь есть. Вкусненькое для тебя. Кс-с-с-с...

-Что-то там внизу правильное происходит. Шуршание правильное и запах правильный. Это он банку с паштетом распаковал и открыл её. Это я не глядя могу определить. Сейчас в мою тарелочку положит. Нужно обязательно

проследить, чтобы мало не получилось. Однажды он такое выкинул: попытался одну малюсенькую баночку паштета на три части разделить. Нет уж.

-Вот ты где. Слава богу. Я уж надежду потерял, хотел на улицу идти искать. Васенька, хороший ты мой. Котище...

-Да будет тебе. Иди уж на работу. Опаздываешь ведь. Только не задерживайся.

-Пока, Василий. Я побежал. Ты за старшего.

Нурик

(Из сборника «Доцентские хроники»)

*Чтобы передать потомкам мудрость предков, необходимы:
мудрость, предки, потомки и учитель.*

(Житейская логика)

- «Нурик, здравствуй, дорогой. Карета подана».

Нурик – это Нургали, доцент, мой старший товарищ, коллега, в чём-то наставник. Я тянусь вправо, открываю ему дверь моих Жигулей цвета «охра золотистая»: «Садись, поехали».

- «Сейчас, Юрочка, воздуха глотну».

Юрочка – это я. Тоже доцент, младший товарищ в нашем с ним коллективе. Едем мы на ТЭЦ, там наши студенты на практике, а мы ими руководим, каждый своей группой.

Производственная практика на третьем курсе это время вплотную познакомиться или, на худой конец, взглянуть на то, что ты выбрал в качестве жизненного пути. В восторге не все. Кто-то разочарован, кто-то обеспокоен. Некоторые, правда, были готовы заранее, этим проще. Это что касается студентов. Для преподавателя практика в основном синекура. Ты вроде и на работе, и в то же время можно расслабиться, регламент свободный да и делать тебе на производстве особо нечего. Ну вводный инструктаж, проверки время от времени, на финише приём отчёта по практике. Всё. Студентами на станции руководит специально назначенный руководитель от производства, обычно заместитель главного инженера. Оно и понятно: и рабочие места, и техника безопасности – всё в подчинении администрации, преподаватель здесь всё-таки инородное тело. И это несмотря даже на то, что и директор, и главный инженер, и половина ИТР станции – его однокашники и выпускники. Просто каждому своё.

Неделю назад мы привезли студентов на ТЭЦ, подготовили приказ на практику, провели инструктаж и расписались в журнале по ТБ – первое и самое главное на любом производстве. И уехали. Я говорю во множественном числе, потому что мой старший товарищ безлошадный и мы пользуемся моей машиной. ТЭЦ находится в пятнадцати километрах от города, добираться туда пригородным

или стационарным вахтовым автобусом преподавателю не с руки. Студенты – другое дело. Для них это судьба. Сегодня мы едем во второй раз.

- «Глотнул?»

- «Что? Не понял... Ты злой, да?»

- «Воздуха».

Вчера мы с Нургали в родном институте слегка приняли на грудь. Приехал опоздавший к сессии заочник, начальник чего-то и наш давний товарищ, между прочим, и мы в нарушение всех этических норм, но в полном соответствии с традициями посидели в моей лаборатории. Я как-то поотстал, а Нурик с товарищем, похоже, досиживали по-взрослому. Сегодня я, хоть и не очень свеж, но к рулю внутренним голосом допущен, а он... Никак вот ручку двери не нащупает.

- «Садись, открыто».

- «Вижу я. Открыто, закрыто – какая разница? Жизнь мимо проходит...»

Нурик, отяжелев, становится непрост. Из глубин его души поднимается боль, протест и неудовлетворённое самолюбие. Временами он отдаёт распоряжения, о которых, впрочем, сразу забывает. Правда, иногда, совсем потом, вдруг спрашивает, к примеру: «Серёга... приехал?». Никак не вспомнить, кто это, Серёга, но я, тост за тостом возвращаясь назад, вычисляю, что Серёга – это студент-заочник, который второй год исполняет роль личного шофёра Нурика, и которого он, по-видимому, распорядился вызвать. В пустоту распорядился, между прочим, поскольку в тот раз сидели мы втроём: Нурик, наш кафедральный мастер, и я, причём мастер уже давно вышел покурить и к вечеру пока ещё не вернулся, а я эти распоряжения не воспринимаю по предварительному обоюдному согласию. Бывает. Ещё он любит, взяв сильно и доверительно собеседника под руку или обняв за плечи, декламировать глухим медленным голосом: «Я обиды свои буду нянчить до гроба...»

Основная его обида это однокашник по питерской аспирантуре. Однокашник теперь проректор, а заодно руководит кафедрой, где мы работаем.

«Ладно, поехали», - тяжело устраивается Нургали на соседнем сиденье, - только, ох, останови если что. Ву-уу... Юрочка, а давай в турчатник заскочим, возьмём».

- «Товарищ, а работа?! Студенты ждут».

- «Во-первых, никто никого не ждёт. Вообще в этой жизни никто никого не ждёт...»

Совсем плохо. Если он в таком состоянии начинает выстраивать философическую последовательность, это надолго.

- «Во-вторых...»

Нет, темп неплохой, может, обойдётся.

- «Во-вторых, я старше. Ты старшего товарища не уважаешь!? А ведь вся наша жизнь зиждется... я правильно слово сказал?.. зиждется на уважении. Одного другим. И наоборот».

Наоборот – это, наверное, другого одним. Я молчу, давно не уважаю никого, не сложилось как-то. Все кумиры куда-то улетучились. Жили-были – и нету. Вот профессионала, пожалуй, я уважаю. Любого. Кто знает, умеет и делает, что знает и умеет. Но это такая редкость. Искоса смотрю на Нурика - сидит, мается. В зеркале вижу отражение своего правого глаза за дымчатым стеклом очков. Хм... Да уж, действительно, такая редкость...

- «В-третьих, я пригублю, слышишь, только пригублю...»

Упорный он. Строит свою последовательность. И пока только до трёх досчитал, а ведь кандидат наук, с цифрой дружит, наверняка и дальше может... Я быстро вставляю: «Ладно, только пригубишь после ТЭЦ. Мы там быстро отметимся, и всё. О-кей? Это моё условие».

У этого условия причина простая. Если он пригубит до, а не после, я на ТЭЦ не попаду. С ним опасно, а его не бросишь. А кто работать будет? Простая трезвая мысль простого трезвого доцента.

«Согласен», - трудно, тоном и голосом растратчика-завбазой из «Приключений Шурика», отвечает Нурик, - «Только быстро».

Я понимаю, но переспрашиваю: «Что быстро?»

- «Отметимся быстро».

В стране полусухой закон, тяжёлая година. Энергичный новый хозяин, вспоенный солнечным воздухом Ставрополя, одним мановением освободил торговые точки от исконного нашего продукта – хмельного жидкого золота, казну от половины налоговых поступлений, а народ от источника простой житейской радости. И страна ушла в алкогольное подполье. Ушла, но не сдалась. Наши не сдаются. Под танк – пожалуйста, а сдать – никогда.

Турчатник – понятие этнолингвистическое. Видимо, первопроходцами здесь были предприимчивые сыны Босфора. Географически – это район частной застройки. Извилистые узкие, в одну машину, улочки, тупики, высокие глухие

заборы, металлические калитки и ворота. Это воронья слободка, место, где в любое время суток можно взять самопальную пшеничную водку или неизвестного происхождения портвейн, в народе его простецки зовут шмурдяк розовый, достаточно протянуть в оконце в калитке красную или пару синих купюр и получить в ответ желанную бутылку. Можно и пару чеков анаши. Таких мест в городе с десятком, их знают все. Насколько точно это название, судить не берусь. Среди торгующих не встречал я только негров и японцев, но я не везде бывал, привык к двум-трём точкам. Да и всё описываемое относится к середине восьмидесятых годов. Сейчас палёной водкой торгуют в городе и стране повсюду и с размахом. Видел за прилавком негров. Японцев по-прежнему не встречал, хотя кто их знает. Древний народ, далёкая, таинственная культура...

Подъезжаем к месту. Большеглазый не улыбочивый смуглый мальчуган лет шести-семи понятным жестом показывает нам направление. Быть тебе, хлопчик, автоинспектором. У голубых высоких ворот с неразборчивой длинной надписью белой краской останавливаемся. Написаны, по-моему, название улицы и номер дома, все буквы сверху из кириллицы, но краска потекла, и каждая буква получила беспорядочное развитие вниз. Буквы притягивают взгляд и смущают. Нурик нацеливается выйти, но с первой попытки не получается. Замешкался. Я хочу помочь, в это время ворота приоткрываются, в щель проскальзывает девочка лет восьми, по виду сестра того мальчика. Она подходит к нам и строго смотрит на моего товарища через полуопущенное стекло. Угадала. Он с трудом достаёт из кармана портмоне, из него средним пальцем вытягивает смятый червонец, неудобно подхватывает его указательным пальцем и протягивает девочке. Та исчезает за воротами и мигом (не здесь ли великий наш лицедей учился мгновенному перевоплощению?) возвращается с бутылкой пшеничной. Где её делали, из чего её делали?.. Не вопрос. Кому это интересно? Нурику? Может быть, но не сейчас. Я жестом подзываю девочку и забираю бутылку. В глаза товарищу стараюсь не смотреть, зачем мне эти переживания? Жизнь и без того полна ими. А ещё говорят: еврейские глаза, полные вселенской печали. Бывают и печальнее. Под присягой могу подтвердить. Ну, здравствуй, здравствуй, новый день! Пора за дело.

Город остался за спиной. Далеко впереди видны две трубы, одна, высокая, дымит буроватым дымом, вторая, пониже, без признаков жизни. Начало лета, половина оборудования на ТЭЦ не работает, на профилактике. Пятнадцать километров среди жёлто-серых малоухоженных полей по обе стороны дороги, безлюдная деревенька в десяток изб посередине пути. Доезжаем быстро. Обычно я ставлю машину у проходной, на территорию захожу пешком. Так положено. Сейчас смотрю на старшего товарища и понимаю: не дойдёт, а главное, не

пойдёт. Сигналю охраннику, прошу связаться с главным инженером, получаю разрешение, проезжаю прямо к административному корпусу.

- «Пошли».

- «Я посижу. Ты там моих тоже подкрути. И отметься за меня».

Отметься – это покажись на глаза станционному руководству за себя и за того парня. Спорить бессмысленно, да оно и к лучшему наверно. И не впервой. Взаимопомощь, взаимовыручка, локоть друга, плечо наставника...

...Я был тогда зелёным ассистентом на кафедре. У заочников шла лабораторно-экзаменационная сессия. Это весенняя пора, когда студенты-заочники берут на работе учебный отпуск и собираются на месяц в институте, чтобы выполнить и защитить лабораторные работы, сдать зачёты, потом экзамены и перевестись на следующий курс. Оглядываясь назад, понимаю, что толку от этого нет никакого. Непрерывные без выходных двенадцатичасовые занятия: две пары – один предмет, две пары – другой, две пары – третий, потом коллоквиум или семинар. В голове студента остаётся винегрет из неопределённых интегралов, изобарных теплоёмкостей, межмолекулярных связей и общественно-экономических формаций, на пальцах – мозоли от ручки. Преподавателям в это время тоже несладко. Но надо.

У меня только-только началась вторая лабораторная пара по термодинамике, студенты сделали по две работы и сейчас, торопясь, дописывали отчёты. Кто-то уже закончил и подсел к моему столу, крест-накрест дочитывая написанное и готовясь к защите. Кто-то ушёл, мол, завтра сдам. Заочникам можно.

- «Так, что у вас? Показывайте. Это число откуда? Результат объясните. А почему у вас один отчёт на троих? Ну и что, что делали группой, диплом-то каждый сам собирается получать или один на всех? Готовьте отчёты, пожалуйста, результат вроде правильный».

Тоскливо думалось: «Когда уж этот день закончится? Завтра, кажется, полегче. Хорошо, что в перерыв успел в кассу за зарплатой сбегать».

И тут в лабораторию зашёл мой уважаемый старший товарищ доцент Нургали. С Сергеем. Наклонился к уху: «Юрочка, на машине?»

- «Нет».

- «Зарплату получил?»

Вопрос опасный, но я честен: «Да».

- «И я. Мысли есть?»

Вопрос понятный и ожидаемый.

- «Студенты вот есть, и пара только началась».

- «Отпусти».

- «Как это, отпусти? У каждого по две лабораторных к защите, восемнадцать человек по списку».

- «А старший товарищ страдает? А зарплата? А Серёга за рулём?!»

Сергей тихой тенью маячил в дверях лаборатории. Загадочная фигура. Тоже заочник, толковый, тихий, всегда погруженный в какие-то свои дела. Или дела старшего товарища. Сын полковника-силовика, между прочим.

- «Ладно, попробую быстро принять».

- «Хорошо, Юрочка, у меня как раз здесь немного есть, Серёга выручил», - он приоткрыл портфель и предъявил лежащую на дне початую бутылку коньяка, - «двадцать минут тебе хватит? Некомплект, сам видишь», - он кивнул на сумку.

Они с Сергеем прошли сквозь лабораторию в мой кабинет, а я повернулся к студентам: «Прошу».

Трое у стола. Отчёт у каждого. Результат правильный. Задаю по вопросу. Ответы правильные. Тройки достаточно? Достаточно. Зачтено. Следующая группа. Трое. Отчёт у каждого. Результат правильный. Ответы правильные. Тройки достаточно? Зачтено. Дальше. Трое. Отчёт у каждого. Результат правильный. Ответы правильные. Тройки достаточно? Зачтено... Стоп, это что?

- «Что это?»

- «Лаба, позавчера делали, сегодня сдать хотим».

Я поднял голову. Студенты столпились вокруг стола, некоторые что-то судорожно дописывали на коленке, на спине товарища. Их явно стало больше. Похоже, добавились и те, кто ушёл было. Почуяли фарт. И что делать? Товарищу пообещал, а сам?.. Быстрее я уже не могу.

Нургали выглянул из кабинета. Ему явно полегчало.

- «Юрочка, как дела? - он медленно обвёл лабораторию пристальным взглядом, - та-ак, понятно, - поманил меня рукой, - можно на минутку?»

Я зашёл в кабинет.

- «Долго ещё?»

- «Я стараюсь. Принимаю уже как попало, лишь бы что-то было написано».

- «Вижу. Посиди здесь с Серёгой, я вот тебе оставил, - он показал бутылку, - дай мне с аудиторией поработать, десять минут».

Это, конечно, против правил, но как исключение и с учётом того, что он вёл у этих студентов лекционный курс, а я веду за ним лабораторные, допустимо. В порядке наставничества, так сказать. Через двенадцать минут, это осталось в памяти, он открыл дверь. В лаборатории не было никого.

- «Нурик! Ты их выгнал?!»

- «Ты что? Мы же преподаватели, - он повторил явно с большой буквы, - преподаватели».

- «А как? Я ускорился до предела, и что? Ты видел...»

- «Ладно, объясняю, - он ткнул пальцем в корявую из неизвестного алфавита букву где-то посередине страницы отчёта, лежащего на столе, тяжело посмотрел мне в глаза, - что это?»

Я попытался присмотреться.

- «Та-ак, - он перевёл палец на другую букву, не менее замысловатую, - а это? Не знаешь - иди, готовься. Подготовишься - подходи, - Нургали значительно посмотрел на меня, - всё. Сказали, что завтра придут сдавать. Почувствовали, что халява кончилась. Никогда не допускай халявы, сядут на шею».

Так я набирался преподавательского опыта.

На ТЭЦ тем временем всё было как обычно. Половина студентов на рабочих местах, остальные кто где. Кто-то дома, несколько девочек в техотделе переписывают станционные должностные инструкции, готовят отчёты за всех.

Захожу к главному инженеру, моему давнему выпускнику: «Здравствуй, Асхат»,

- «Здравствуйте, уважаемый».

- «Как тут наши?»

- «В порядке, работают».

- «Все на месте?»

- «Сейчас узнаю, - снимает трубку, - Александр Борисович...»

- «Ладно, Асхат, я сам. Да и некогда, у меня там товарищ в машине».

- «А, понятно. Передавайте привет... Пусть выздоравливает».

Толковы наши выпускники. Всё знают, всё понимают, а повзрослев, умеют и принять жизнь такой, какая она есть. А если серьёзно, то, отработав преподавателем десятков-полтора лет, начинаешь иногда задумываться над тем, что подспудно ощущал всё это время. Ответственность за будущее это называется, ни больше ни меньше. Я вижу перед собой сто пар глаз. Эти люди будут знать и уметь то и так, чему и как я смогу их научить. Если я силен и интересен, они будут сильными и интересными. Если я профессионал, они будут профессионалами. А вот если я слаб в своём деле, увы, не смогут они этого оценить, и то, чему я их научу, не будет правдой. Такая асимметрия. Выйдут они из института – и что? Всё сначала? А время идёт и идёт, и уже бесконечно жаль бесцельно прожитых лет... Вот тебе и выбор, дорогой учитель: соответствуй или уходи. Ну ладно, не сейчас, вроде я уже думал сегодня о чем-то таком. Это тема для отдельного разговора.

- «Ты как, дружище?»

Товарищ тяжело открывает глаза: «Юра, ты садист. Так долго. И унёс».

- «Ладно, поехали, - достаю из портфеля пшеничную, - лечись».

- «На ходу, что ли?»

Мы выезжаем с территории ТЭЦ, отъезжаем метров триста, останавливаемся: «Пожалуйста».

- «Я один не могу! Мне в глаза человеку смотреть нужно, поговорить нужно...»

Из предыдущего никак не вытекает, но это правда. Я не учёл. Уважаю. Если даже сейчас человек настаивает на собеседнике – это принцип. Есть принцип – есть человек, нет принципа – нет человека.

- «Тогда терпи, могу домой отвезти».

- «Ты что?! Труп привезёшь. Ты трупы умеешь возить? Не-ет, не умеешь...»

- «Ну, тогда как?»

- «Стой, вот-вот, здесь».

Мы как раз проезжаем через ту самую безлюдную придорожную деревеньку. Нургали хватает меня за руку: «Здесь!»

Останавливаемся у покосившейся избушки. Два слепых окна, полуоткрытая дверь. Забор из обломков шифера, сарай из кусков фанеры. Во дворе что-то делает старуха в ветхом мужском пиджаке. Из избушки к ней направляется

неряшливый старик в таком же старом и грязном наряде. Недельную щетину на тёмных бугристых щеках хорошо видно даже с обочины.

- «Давай», - Нургали берёт у меня бутылку и шагает через дыру в заборе в гости к странной чете. Старик, заметив гостя, с полпути споро возвращается домой, старуха отрывается от своих дел и из-под ладони смотрит на моего товарища. Он подходит, что-то говорит ей, потом решительно заходит в избу, а старуха остаётся во дворе и продолжает своё занятие.

Пшеничная, мой товарищ, собеседник... Это, минимум, на час, если повезёт. Эх, доброта ты моя безрассудная! Включаю приёмник, чуть откидываю спинку сидения, нужно расслабиться. Радио слегка похрипывает, прямо надо мной высоковольтная линия и Маяк слышно с помехами: «...От печали до радости всего лишь дыханье...»

Надо бы в это поверить...

Нет, не успеваю. Нургали выходит из избы. В руке ополовиненная бутылка, пробки нет, закупорена чем-то, похожим на хлебную корку. В глазах страх, изумление и боль.

- «Что, Нурик, что!? Отравился!? Давай быстрее, потерпи. Я это место в турчатнике помню, мы их, сук беспородных, в асфальт!..» Он отмахивается, прижимает руку к горлу, с трудом сглатывает комок. Страх, изумление и боль в его глазах медленно сменяются безнадёжной горечью: «Юра, Юрочка! Этот... Старик... Он... он глухонемо-о-ой».

Притча о Хорошем Человеке и Нищем

Говорящим и внимающим

Возле стены заброшенного дома на тротуаре сидел Нищий. Перед ним стояла жестяная банка для мелочи, но он не встряхивал её, как другие нищие, чтобы звоном привлечь к себе внимание, просто тихо сидел и смотрел перед собой. Банка была пуста.

Мимо Нищего иногда проходил Хороший Человек. Однажды он сказал Нищему: «Знаешь, я, наверно, скоро дам тебе монетку».

- «Спасибо, хороший человек. Я мог бы сделать для тебя какую-то работу. Глаз еще остер, рука верна. Я мог бы напилить и наколоть тебе дров. Скоро наступят холода. Так приятно, когда в камине потрескивают хорошие дрова, плечи укрыты теплым пледом, а на коленях тихо мурлычет кот...», - Нищий помолчал, - когда-то я был лучшим в этом ремесле».

- «Да, хорошо бы..», - мечтательно сказал Хороший Человек, - но ничего не получится, у меня в доме газ. Да и у всех теперь газ. Нет, лучше я дам тебе монетку. Скоро дам», - и он пошел дальше.

- «Какой хороший человек. Жаль, что редко проходит здесь, - думал Нищий, глядя вслед уходящему Хорошему Человеку, - он же не виноват, что у него газ, нет камина и ему не нужны дрова, хорошие дрова, а я мог бы напилить и наколоть. Когда-то я был лучшим...»

- «Какой надоедливый этот нищий. Я же не виноват, что у меня газ и мне не нужны дрова, - думал Хороший Человек, уходя прочь, - сидит и сидит. Надо бы найти другой путь. А жаль, я так привык к этой улице».

Притча недобрая

*«Кроликов, верни алмаз, гнида!»
(Армен Борисович Козюльский)*

-«Позволите?», - приятный голос прозвучал скорее утвердительно, чем вопросительно.

-«Разумеется. У кого бы хватило сил отказать», - утомленно-игриво ответил он и взглянул на нее. Не юная, полноватая, симпатичная, явно старающаяся выглядеть уверенной, она уже начала обустраиваться неподалеку.

-«Допустим здесь», - она прижала свой кокон клейкой поверхностью к стеблю сухого волоса, посомневалась вполголоса сама с собой: «Выдержит...не выдержит?..» Огляделась. На соседнем волосе покачивался его кокон, атласно отсвечивая выпуклыми округлостями. Чуть поодаль висел аскетичный, под ситец, спальный кокон с немолодой приветливой на вид особой.

-«Бабариха-наставница, - подумалось ей, - вот и славно».

Она посмотрела вниз, увидела свое отражение в бесконечной тускло-зеркальной чуть розовой поверхности, из которой то тут, то там тянулись кверху рыхловатые волосяные стволы, поморщилась, достала косметичку и слегка подсурьмила то, что выглядело недостаточно выразительным. Потом повернулась и в упор взглянула на него. Взгляд в упор – выстрел в упор, эту жизненную школу она прошла давно.

- «Очаровательно! Шедеврично!», - тихо выдохнул он и едва слышно застонал от знакомого терпкого сладостного чувства.

-«Ну, шедеврично или нет, со стороны виднее. А вот то, что мой будущий бывший мог бы и поуделять этому хоть какое-то внимание, это точно. Так нет же! Мы с ним, кстати, расстаемся, если кому не понятно».

-«Прекрасно подумано, превосходно сказано! Конгениально!.. By the way, а я ведь тоже давно один. И андрогены-шельмецы бурлят, донимают...», - он хотел было показать что-то в этой связи, потом потянулся к ней и трепетно ущипнул-коснулся ее кокона...

Порожденная едва осязаемым касанием волна тестостерона-эстрогена легким перышком ощекотала все эрогенные зоны, даже те, о существовании

которых она и не догадывалась. У нее едва хватило силы и опыта сдержаться и не воскликнуть «Вау!», как она, может быть, поступила бы ещё совсем недавно. Или не совсем?..

-«Нет-нет! Шаг за шагом, пожалуйста! Натерпелась я от этих андрогенов. Ведь он ни одной юбки, гад!..»

-«Ты мне, конечно же, понравился, - она снова взглянула на его большой и, наверно, уютный кокон, - но нам непременно нужно подождать, присмотреться, понять, осознать... Осознанный выбор – всему голова».

-«О, благодарю тебя, дивноокая! Не сомневайся, светоч грёз моих, о, не сомневайся! Сколько надо, столько буду ждать. Согласен на всё, лишь бы дожждаться», - взволнованно и смиренно произнес он. Влажно посмотрел по сторонам. Потом едва-едва уцепился-коснулся ее кокона, - «Я ведь выдержал испытание, а?»

-«Ну вот, жизнь и налаживается, - подумала она, - выдержал, конечно». Какие, к черту, лавуазье, ле шаталье в купе с браунами! Какие тоты и гермесы, создатели и покровители науки химия! Вот где она, химия! Полувзгляд, полувздох, мимолетное прикосновение и как апофеоз - тестостероновое море-океан за краем ойкумены... И всё, эрогены не удержать, не стреножить! Побежали, защекотали хоботками. Опять же и король оплошал, внезапно умер. Теперь да здравствует король, тот, что остался в живых! В том смысле, что свято место в истерзанной аскезой душе пусто не бывает... Из соседнего кокона с усталой нежностью смотрела на них Бабариха-наставница, улыбаясь по-матерински.

И зажили они совместной жизнью до самого её края...

Носитель волосяного покрова почувствовал неладное. Он взглянул в зеркало, разобрал пальцами редящие волосы в одном месте, в другом... И увидел. «Твою же ж мать! Этого не хватало!», - он задумался на мгновение. Взглянул в зеркало ещё раз. Сожалеть особенно было не о чем, остатки густой когда-то шевелюры вряд ли добавляют к имиджу что-то путное. Он достал из ящика электробритву, выдвинул нож для подравнивания усов и бороды и одним махом состриг всё, кроме ушей. Он был немного суеверен, поэтому подобрал клочки волос с пола, сложил их в бумажный кулек, вышел с ним на улицу и сжег.

Вот и вся притча. Сколько ни пытался я как-то развить тему, ничего не получилось. Да и ладно...

Fine Italian hand

(Из сборника «Доцентские хроники»)

Ну, где же она?! Три минуты второго, время пошло...

Идёт. Хм, а кто это с ней? Муж, кажется. Ни разу его здесь не видел. Всё, вроде прощаются. Поцелует? Нет, просто сдула поцелуй с ладошки. Идёт.

- «Привет», - открываю изнутри правую дверь,
- «Привет», - щёчку под ушком для поцелуя, искреннее движение губами в мою сторону.
- «Что у нас?» - она смотрит на часы.
- «Успеваем?» - спрашиваю и уговариваю я.
- «Успеваем, опоздаю на десять минут, ничего не случится».

Обеденный перерыв в НИПИ это святое. Ровно в час две двустворчатые двери распахиваются, и институтский люд вырывается на свободу. Первые секунды по одному, потом маленькими группками, потом непрерывным потоком. Длинноногие девчонки-лаборантки, подкрашиваясь на ходу, сбегают по широким ступеням, спешат в ЦУМ: вдруг что-то интересное появилось? Сотрудницы постарше парами и поодиночке торопятся в соседнюю кулинарию или в столовую, расположенную здесь же в цоколе здания. Мужчины, молодые и в годах, спешат туда же, приводя на ходу в порядок причёску или то, что оставила от неё хлопотная проектно-научная жизнь. Некоторые останавливаются на просторном крыльце и закуривают. Мне, некурящему, это всегда кажется странным, ведь обычно этот ритуал исполняют потом, выйдя из столовой и уже никуда не торопясь. В НИПИ у меня много приятелей и знакомых, здесь работают и мои однокашники, и выпускники, я часто бываю там и вижу, что на лестничных площадках, где выделены места для курения, всегда людно. Зачем же ещё курить перед трапезой? Ладно, не мой вопрос.

-«Леша соскучился?», - спрашиваю не очень тактично, но у нас как-то вошло в привычку обсуждать её семейные дела. С моими-то всё проще, я опять разведён. Её второй муж, как и она, мой выпускник, работает в соседнем НИПИ. Знаю, что он подрабатывает инструктором по рукопашному бою в местном ОМОНе. Видел однажды в турнире. Очень впечатлило. А вот интересно, открыл бы я дверь, и подсел бы Леша... Стоп, не нужно страшного.

- «Что? Прости, задумался».
- «Соскучился».
- «И что ты?»
- «Сказала, тороплюсь».
- «И как он?»
- «Надо - значит, надо».

Поехали.

Я впервые увидел её в первом ряду большой аудитории у себя на лекции. На перемене присмотрелся. Ладная фигура, длинные русые с платиной волосы, ясные серые глаза, гладкая матовая кожа... Что ещё разглядишь в суতোлке студенческой пятиминутной перемены? Привлекательна? Да. И притягательна. Очень притягательна.

Через пару недель она остановила меня: «Здравствуйте».

- «Здравствуй, Лена»,
- «А я-то хотела представиться»,
- «Ну, несложно посмотреть в журнале»,
- «А вы всех по именам знаете?»
- «Нет. Слушаю тебя».
- «Вы обратили внимание, что я всегда в первом ряду на вашей лекции?»
- «Греет душу. Приятно, что у такой девушки интерес к моему предмету».
- «Не так чтобы очень. Просто вы мне нравитесь».

Вот так. И не иначе. Не скажу, что я аскет, никто не поверит. Скорее, наоборот. Семейная жизнь никак не складывается, и что тут причина, что следствие, сказать не берусь. Жизнь покажет, и я чувствую, что в конце концов покажет она по полной программе.

Какой преподаватель не вспоминает с трепетом прелестную сероглазую блондинку или очаровательную брюнетку, вольную опытную заочницу или, что реже, юную непорочную студентку с дневного потока? Чьи руки не помнят волнующий изгиб податливой талии?.. Покажите мне его. Работа в вузе чрезвычайно деликатна и опасна. Для всех. Эти девочки в таком возрасте, когда хочется любить и быть любимыми. Рядом с ними их сокурсники, которые ещё не состоялись, которые находятся на той же ступеньке эволюции, что и они. Это

потом, уже скоро, но всё же потом, эти мальчики станут мужчинами. А сейчас рядом полные сил, уверенные в себе успешные состоявшиеся мужчины. По крайней мере, в глазах этих девочек. И эти девочки обречены. А другие уже попробовали неотразимую победоносную силу своих юных чар. И почему бы не обратить эти чары себе на пользу? Так было, так есть, так будет всегда. Мужчины эти тоже обречены. Ненормированный рабочий день – то густо, то пусто. Впрочем, пусто почти не бывает. Со стороны может показаться: прочитал лекцию, отконсультировал – и гуляй. А если добавить к каждому часу лекции полтора-два часа мучительной подготовки? Ну не позволит себе профессионал пересказывать учебник с высокой кафедры поточной аудитории. А кто позволит, так не о нём речь, о профессионале. А наука, а аспиранты, консультации, новые курсы, учебные пособия, нужные и ненужные заседания кафедр и разных советов?.. В общем, времени свободного нет совсем. Ненормированный рабочий день для тех, кому работа – и долг, и хобби, и счастье, и бремя – это капкан. Институт на завтрак, обед и ужин. Институт во сне. А вокруг!... Девушки в белом, девушки в чёрном. Девушки в макси, миди, мини... Кажется, ещё чуть-чуть, и девушки без... А уж если они почувствовали слабинку!.. Без комментариев, как говорится.

Вот я пришёл на экзамен, разложил веером билеты, сел. Студент воспринимает экзамен как миг торжества экзаменатора, миг его полной власти над студентом. Я и сам в студенчестве думал так. До тех пор, пока не оказался по эту сторону стола. В студенчестве экзамены добавляли адреналина. В доцентстве я их ненавижу. Все. Без исключения. Забежал староста, принёс дешёвую сиреневую пластмассовую вазу, потом букет, потом пару бутылок минеральной воды. Это ритуал. Вышел. Восемь часов. Открывается дверь, по одному заходят первые шесть человек. Зачётка, билет, ведомость... Садитесь. Вопросы есть?.. Нет? Работаем.

Кто они, эти шесть человек, рискнувшие зайти первыми и, как мученик-естествоиспытатель Луи Пастер, на себе познать нрав экзаменатора и донести груз этого знания остальным, оставшимся за дверью и соперничающим этим, что сидят сейчас передо мной? А вдруг у него дома проблемы? А вдруг он просто лют? Впрочем, студентам это обычно известно раньше и лучше, чем самому экзаменуемому. Итак, кто они? Ну, два отличника. Один из них просто пришёл сегодня пораньше, так вышло. Ему всё равно, первым, последним, он всё знает, а главное, он уверен в себе. Второй тоже всё знает, силен, но нервничает, характер такой, пришёл за час до экзамена. Этот тоже сдаст без проблем. Трое других середняки. Трудяги. И психологи. Знают, что экзаменатор с утра обычно помягче. Не наслушался ещё потрясающих откровений и не впал в тоску или злобу, осознав в очередной раз, что время, здоровье, вдохновение и силы, вложенные

им в этих... ну, в этих... потрачены впустую. А шестой, нет шестая... Да уж!... Нет слов. Поднимешь глаза – от трогательных завитков золотых волос и вниз – шея нежная-нежная, хочется прикоснуться губами и вдохнуть, вдохнуть... Н-да, батенька. А дальше тоже всё нежное, нежное... И никак не начнётся воротничок блузки, или как там это называется... А потом промелькнёт что-то такое незначительное, короткое сверху, поясок, короткое снизу и снова что-то нежное-нежное, длинное-длинное, стройное-стройное... Твою мать!.. Чур!.. Спаси и сохрани!.. Велик всевышний и все мы чада неразумные его... Минералочки вот холодной хорошо теперь. Только не гулко. Народ-то понимающий.

Есть три варианта отношений экзаменатора и экзаменуемой.

Первый. Стиснув зубы, отношусь объективно к её знаниям, не обращая внимания на нежное-нежное. Это хорошо? Это правильно и очень хорошо, если она знает предмет. Ставлю «отлично», благодарю за ответ, прощаюсь. Редко, но бывает. Что же тогда означают её боевые доспехи и разящий меч? Да ничего, скорее всего. Она Женщина. Она хочет нравиться. Радуйся, доцент, она и тебе хочет нравиться, значит, ты мужчина в её глазах, а это дорогого стоит. Дальше, правда, не хожу, там опасно. Если она не знает ничего, что, увы, не редкость, возвращаю зачётку и прощаюсь. Выучи, возьми направление, приходи. Вопросы по поводу доспехов и меча здесь не возникают. Оружие нацелено на меня, но я стоек и непоколебим-непокобелым. Твою мать!..

Второй. Экзаменуемая не знает ничего, я возвращаю ей зачётку, будучи уверенным, что она придёт ещё и ещё, готовится она вряд ли будет, не сомневаясь, что я дрогну и, в конце концов, скажу: «Завтра в семь вечера у меня в лаборатории». Тут снова возможны варианты, либо в лаборатории каждый из нас получает, что заслужил, и мы расстаёмся друзьями – почти стопроцентная вероятность, либо она приводит с собой брата-кузнеца, то бишь декана, который в продолжение нашей энергичной беседы прячется за дверь и потом врывается со стоном: «Ага!», - и я увольняюсь с работы, ухожу из семьи, сотрудники укоризненно смотрят мне в след – это бывает крайне редко и в основном по недоразумению. Этого не пробовал. Не мой жанр.

Третий, самый очевидный. Экзаменуемая не знает ничего, я пишу ей в зачётку то, что она хочет. Обычно хочет она немногого, баллом выше, чем «неудовлетворительно». Потом я задаю вопрос:

«И что дальше?»

Если я неправильно понял назначение её доспехов, она спрашивает недоуменно:

«Что Вы имеете в виду?»

- «Ну как дальше учиться будешь?»

- «Я подтянусь».

- «Очень на это надеюсь. Успехов».

Здесь пока всё. Ждём следующей сессии. Подтянется – флаг в руки, нет – переходим к первому варианту. Если же я понял её правильно, то она отвечает:

«А что бы вы хотели?»

- «А ты?»

- «А я полагаюсь на вас».

- «Сегодня в семь вечера...»

Лена как-то оказалась вне этой схемы.

«Вы мне нравитесь», - кто-то мне такое когда-то говорил. Или это я кому-то говорил?.. И ведь что-то я тогда чувствовал, трепетал... А сейчас солнечный весенний день. Мы в просторном холле. Шумная институтская перемена. Студенты, сотрудники. И мне говорят такое! Собрал в кулак волю и навыки и спокойно и с достоинством ответил:

«Через час у меня в машине. Поговорим?»

- «Давно бы так, уважаемый доцент».

Через час мы беседовали в машине:

- «Лена, тебе что, зачёт нужен? Считаю, что есть. Ты, конечно, нашла мою болевую точку...»

- «Какой вы... Вашу болевую точку только ленивая не найдёт, стоит вам в глаза посмотреть. Насчёт зачёта... Я его без вашей помощи сдам, ничего сложного. Не очень интересно, правда. Я же тебе сказала, ты мне нравишься».

Ничего себе! Пятнадцать лет разница, я доцент, она студентка. Вот мы и на ты. И ничего не скажешь. Моя манера общаться со студентами. И рикошет.

- «И что?.. Расскажи-ка о себе, а».

- «Коротко?»

- «Как хочешь, поехали прокатимся, что тут глаза мозолить».

Тронулись.

- «Двадцать два, разведена, дочери год. Учусь хорошо. Ты мне нравишься».

- «Да, интересная жизнь. И как красочно всё рассказываешь».

Мы ехали и ехали, разговаривали...

- «Муж на полгода в Афган ходил, вернулся. Теперь пьёт и пьёт. Дочка родилась, пришлось его бросить. Заходит иногда. Дружим домами. Не интересно».

- «А со мной?»

- «Посмотрим».

- «Замуж хочешь?»

- «Что вы, мужики, пугливые такие? Все за вас замуж хотят что ли, тоже счастье. А будет мне пятьдесят, тебе-то шестьдесят пять.., - задумалась, - а что, ничего страшного, ты крепкий, - она тихо рассмеялась, - ладно, испугался. Просто хорошо с тобой».

- «Так думаешь?»

- «Вижу».

- «Проверим?»

- «Разумеется».

События развивались быстро и неуправляемо. Я огляделся вокруг. Асфальт давно кончился. Мы были где-то в пригороде. Холмы, луга, местами группы деревьев в зелёном налёте, осязаемом, но невесомом. Весна. Мы съехали с едва видной колеи и поднялись на макушку пригорка. Просматривалось всё великолепно. И никого. Я заглушил мотор.

- «Проверим сейчас?» - я притянул её к себе.

Она прижалась ко мне, насколько позволили кресла, рычаги, руль:

«Мы так много говорим...»

Инстинкты руководят нами даже тогда, когда разум замолкает. Да и что делать здесь разуму?.. Руки всё помнили: молния на куртке, куртку наизнанку долой, две пуговицы на блузке, блузку наизнанку долой, выдавить из зацепа застёжку между лопаток, щёлкнула, долой, пуговица и молния на джинсах, джинсы наизнанку долой, колготки и это прекрасное в ажурных кружевах наизнанку долой... Что это ещё мешает?!! Сапоги! Сапоги наизнанку долой! Всё. Теперь я. Всё комом наизнанку долой!! Мне помогают! Спасибо, товарищ...

- «Стоп! А у тебя справка есть?»

- «Какая справка?», - с трудом вернулся я в действительность.

- «Любая. Бумажная с печатью от врача или резиновая из аптеки, лучше с усами».

Да, интересная девушка.

- «Дразнишься? Силой возьму».

- «То зачёт, то силой возьму... Какой-то вы, доцент, ветренный».

Оба мы ветренные.

Будь благословен, дизайнер интерьера Жигулей! Он был так заботлив и внимателен. Ему удалось встроить скромную полутораспальную раскладушку в салон авто. Он знал, что небогатый доцент затруднится пригласить любимую в номер люкс Хилтона из-за отсутствия средств, да и самого Хилтона с его люксами. Предусмотрел, что не сможет он отвезти её в загородный мотель за неимением и времени, и мотеля. Эта раскладушка служит ему топчаном в коротком вояже к ближайшей воде в купальный сезон, убежищем и спальным местом в дни и ночи семейных неурядиц и вожделенным и спасительным приютом любви, скрашивающим серую повседневность его институтских будней. Невидимые нити связали изощрённого итальянского мастера с огромной далёкой северной страной. Он знал, он предвидел! Нет, не закончилась у вас эпоха Возрождения. Fine Italian hand - золотые вы, итальянские руки!.. Сколько жен в этом мире с недоумением и подозрением задерживали взгляд на зигзагами исполосованном потолке салона семейного авто, сколько приятелей с пониманием ощупывали обломки ручек и рычагов на передней панели... Любимые, сбросьте ваши туфельки, восходя на это ложе, нам ещё пить из них шампанское. Вы прекрасны! И спасибо тебе, Леонардо.

Подъезжаем к гаражу. Их девяносто шесть, гаражей в нашем гаражном сообществе. Каждый – это гордость и предмет зависти. Три на шесть метров, у кого кирпичный, у кого бетонный. Смотровая яма в человеческий рост, переходящая в бетонированный бункер-погреб для зимнего хранения картошки и домашних солений-копчений. Тыл моего гаража – это несущая стена небольшого локального тепlopункта, когда-то локальной же котельной, поэтому зимой в гараже сравнительно тепло. Это, кстати, позволяло в лихую годину семейных невзгод ночевать здесь, без комфорта, но терпимо, даже зимой.

Гаражи – это местный гайд-парк, дискуссионный клуб, консультационный пункт, изба-читальня и, конечно, рюмочная-распивочная. Мужики выкатывают машины из помещения так, что корма её выглядывает на волю, и что-то делают там внутри, каждый своё. Валентин, когда-то сослуживец отца, всегда с замысловатым ключом в руке и хитро-добродушным поперх очков взглядом чуть

блеклых глаз, что-то откручивает от непонятного механизма. Похоже на боеголовку. Лет ей немало, и процесс идёт трудно. Но Валентин упорен и знает своё дело. Всё разберёт, рассортирует, отмоет, высушит, что нужно, смажет и разложит по каталогизированным ящичкам до лучших времён. Судя по количеству и разнообразию этих ящичков, жить он будет вечно. И пусть живёт. Александр Варфоломеич, тоже служил с отцом, вместе с супругой ревизует банки с маринадами. Славная украинская семья. Осенью партиями расставляют банки по полкам огромного погреба, зимой, весной и летом поштучно извлекают. Его симпатичная дочка когда-то прилично помяла дверь моего гаража отцовскими Жигулями. Училась ездить. Ближний сосед Анатолий выкатил свою чёрную Волгу и перебирает старые книги. Год назад в подготовленных им к уничтожению старых книгах я увидел «Краткие биографии революционных деятелей России» двадцать девятого года издания и с удивлением для себя обнаружил там исключительно еврейские фамилии и имена на полутысяче страниц убористого текста, где каждая биография занимала не более половины страницы. Пришлось переосмысливать историю заново. От каких же случайностей зависит наше мировоззрение!

Подъехали. Как чувствовал, к нашему прибытию все соседи собрались около гаража Анатолия. На капоте в круг аккуратно расставлены стаканы, по центру початая бутылка пшеничной, у колеса в сумке видна ещё одна. Здесь же банка с огурцами, скорее всего, от Варфоломеича, банка прекрасной баклажанной икры, я как-то пробовал у Анатолия, что-то ещё. Народ обстоятельный. Бампером наискось в ворота, два метра назад... Выхожу, достаю связку ключей. Народ с интересом смотрит на Лену, она с таким же интересом смотрит на них. Тост сорвался, по-видимому. Потом Валентин чуть приподнимает стакан в честь моей спутницы, все делают то же. Она приветливо кивает в ответ. Я салютую соседям взмахом руки, открываю гараж, сажусь за руль, въезжаю, закрываю изнутри ворота. Растревятся мужики, впрочем, меня они знают уже лет двадцать, кто не привык, сам виноват. Анатолий в прошлом году как-то спросил:

«Кто это был с тобой?»

- «Девушка».

- «Понял», - он понимающе уронил голову.

Больше никто никогда ни о чём не спрашивал.

Обыденность убивает любовь. Когда я женился первый раз, друзья отмыли и подарили мне старую, но приличную заднюю дверь от Жигулей. Поскольку машины у меня, тогда аспиранта, не было, подарок выглядел странно. Но кто-то пояснил: «Пристрой её вместо двери в спальне. Когда будешь вечером закрывать её за собой, у тебя будет ощущение, что ты в машине в обеденный перерыв с

чужой женой. Действует безотказно. Поверь, все будут счастливы». А ведь что-то в этом есть.

- «Выйди, Леночка».

- «Когда уж тебе эта гаражная романтика надоест?»

Прижимаю её к себе, целую за ушком, шею, ниже...

- «Делом займись, время идёт».

Быстро и умело раскладываю кресла в горбатую и такую родную полуторку.

- «Прошу».

- «Хоть бы вешалку в углу поставил, что ли».

- «Девушка, вы на ложе любви. Оставьте земные заботы... Дай помогу».

Плащ наизнанку долой, две пуговицы на блузке, блузку наизнанку долой, выдавить из зацепа застёжку между лопаток, щёлкнула, долой, пуговица и молния на юбке, юбку наизнанку долой, колготки и это прекрасное в ажурных кружевах наизнанку долой... Что это ещё мешает?! Сапоги! Сапоги наизнанку долой! Пиджак долой, сорочку через голову вместе с галстуком долой, брюки наизнанку долой... черт! Ремень надо расстегнуть, долой, всё долой, туфли от Цебо левой рукой на крышу авто, мимо. Здравствуй, радость моя!..

Всё?.. Как жаль! А правы были мои друзья, торжественно вручая мне потрёпанную дверцу от Жигулей. Действует, ох, как действует!

Без четверти два.

- «Пора».

- «Кто это сказал? Я? Не может быть».

- «Пора, перерыв кончается. Как я дальше работать буду?..» - это она, мечтательно и с досадой.

- «Успеваем?» - спрашиваю я.

- «Успеваем, опоздаю на десять минут, ничего не случится».

А что у меня? В три часа лекция. Есть настрой? Какой настрой?! Нет настрой. А может, лекцию долой!?

Рыжая сука

(Из сборника «Доцентские хроники»)

Длинными мягкими прыжками через весь двор мчался в мою сторону лохматый ризеншнауцер Джим. По толстой стальной проволоке за ним скользила натянутая цепь, коротко позвякивая на неровностях асфальта. Когда между нами осталось метра три, пес легко прыгнул, целя оскаленной пастью чуть ниже моего подбородка...

Я долго жал кнопку звонка на массивной опоре металлической калитки, ведущей во двор: точка-тире, точка-тире-точка, длинное-длинное тире... Никто не отзывался. Я осторожно приоткрыл калитку и сделал пару шагов. Под широким навесом стояли две полуразобранные машины: двадцать четвертая Волга и Жигули, еще одна ноль-первая стояла в стороне, зашпаклеванная и ошкуренная, готовая к грунтованию. Тут и там лежали ящики и коробки с запчастями и инструментом. Словом, просторный двор в этот прохладный осенний день выглядел, как всегда. Правда, обычно здесь был еще Николай: горелкой, рифленным молотком, шпателем, краскопультом и умелыми руками превращал он бесформенное железо в автомобили, готовые к дальнейшей службе. Иногда с ним работал и я: разбираал-собирал ходовку и двигатель, срубал рваную жесь. Деликатные кузовные работы Николай делал сам.

Хотя утро уже миновало, на дворе было безлюдно и тихо. Не видно было и черного бородатого Джима, который жил в дальнем углу в большой деревянной будке под шиферной крышей и всегда крутился среди металла и работающих людей, проявляя живой и веселый нрав и выказывая всем полное дружелюбие. Протянутая через двор семимиллиметровая стальная проволока и валяющаяся возле будки массивная цепь с тяжелым расстегнутым ошейником, прикрепленная к проволоке прочным кольцом-бегунком, выглядела как часть ремонтной инфраструктуры. Образ Джима на цепи, строго охраняющего хозяйство, в голове не возникал ни разу. Что ж, жизнь и наши представления о ней совпадают не всегда. Калитка за моей спиной, мягко щелкнув, захлопнулась. Всё, что можно смазать, здесь было смазано.

Сегодня я заехал к Николаю по личным делам: вечером обнаружили следы антифриза на полу гаража, как оказалось, потек водяной насос, помпа. У жигулей это проблемное место: чуть перетянешь приводной ремень – в дюралевом корпусе перекашивает подшипниковый узел с сальником, туда проникает охлаждающая жидкость, и узел обречен, нужно срочно менять. Проблема

усугублялась тем, что я готовил машину к продаже, послезавтра ее должен был осмотреть потенциальный покупатель. Подшипника у меня, разумеется, не было. Не то чтобы я относился к содержанию своего автомобиля безответственно, кое-какой набор инструмента и запчастей в моем гараже, конечно, хранился, как же без этого. Но помпа и все, что с ней связано, это дефицит.

С Николаем мы дружны давно, лет десять или больше. Уже не помню, когда это началось, но значительно раньше, чем он стал студентом-заочником в институте, где я преподавал. Институт он уже окончил и сейчас работал инженером в профильном НИИ, правда, последнее время больше занимался ремонтом автомобилей «по-черному», оборудовав для этого просторный двор своего большого деревянного дома, который его отец когда-то построил в чудесном предгорном районе нашего города. Отец, дядя Коля, занимал с супругой, матерью Николая, вторую половину дома. Сам дом был в перманентной достройке и перестройке: руки у Николая, конечно, золотые, но в голове его постоянно возникали новые проекты, которые требовали времени и ресурсов. Ресурсы черпались из авторемонтного бизнеса, а вот времени не хватало, поскольку в сутках всего двадцать четыре часа, а нужно еще время на семью – у Николая была симпатичная требовательная жена, сын – серьезный и трудолюбивый отрок, и маленькая дочка. Да и погулять, в смысле, пригубить, тоже хотелось, по себе знаю. В общем, начатые проекты повисали и хирели, и дом, сколько я его помню, всегда стоял в лесах, окруженный фундаментными траншеями замысловатой конфигурации. И только автомобили, которые привозились или приезжали сами, побитые и вызывающие острую жалость, быстро обретали товарный вид и исчезали, освобождая место следующим бедолагам. И не было этому конца, слава богу.

Николай брался за всё, что приносило хоть какие-то деньги. Помню, как-то раз в конце лета мы с ним ездили в деревню километрах в тридцати от города, где он подрядился установить водяное отопление в четырехкомнатном частном доме. Не очень большой саманный дом был неудобно спланирован, наверно, поэтому за день мы не управились, как ни старались. Делать нечего, отложили на завтра. Хозяин сбегал в сельпо. Под наваристый бешбармак водка и портвейн пошли легко, и спать мы наладились только под утро, часа в четыре, зато на свежем воздухе – в сарае на сене. Через пару часов я проснулся от того, что меня расталкивала заспанная круглолицая девочка-казашка лет семи-восьми, по-видимому, дочь хозяина. Светало. Сквозь распахнутую настежь дверь сарая тянуло утренним холодком. Сам хозяин лежал здесь же, вяло отбивался от девочки босой ногой и что-то при этом бормотал. Николай полусидел, прислонившись к дощатой стене, зевал, вычесывал пятерней соломинки из

спутанной русой бороды и негромко сквернословил. Нужно было вставать и идти работать. Встали и пошли. Мутило, хотелось пить, а тепловатая и не очень чистая сельская вода из-под единственного в доме жирного медного кухонного крана, вокруг которого мы как раз и монтировали отопительную систему, жажду никак не утоляла. Николай, было видно, тоже мучился, но терпел, молчал и работал, работал, работал. В общем, такой получился жизненный урок: взялся работать – работай. И никакие твои проблемы не должны этой работе мешать. К обеду закончили. Залили в систему воду, затопили. К моему удивлению, грело и не подтекало. Как раз оклемался хозяин, наскоро принял работу, рассчитался и нацелился было в сельпо: все-таки, автономное водяное отопление в селе – это событие. Да и подлечиться после вчерашнего не мешало. Но мы с Николаем уже вполне пришли в себя, поблагодарили, отказались, уселись в его старенький Запорожец и покатали домой.

В другой раз я и подождал бы со своим ремонтом, делать что-то на скорую руку – себе дороже. Однако случай был особый. Решил-таки я продать свою ласточку цвета «охра золотистая». А что делать?.. Из Израиля уже пришел вызов на ПМЖ, ОВИР практически дал добро, отец, кому, собственно, и принадлежала ласточка, махнул рукой: «Забирай». А тут эта напасть – помпа! Я был уверен, что Николай за пару часов приведет машину хотя бы в относительный порядок. Снять-поставить – не проблема, а разных запчастей по ящикам и коробкам было разложено множество. На крайний случай оставался полуразобранный жигуль, застрявший под навесом из-за отсутствия у клиента крыльев, капота, бампера – крепко он приложился к чему-то хилым жигулевским фасадом. Но помпа у машины была в порядке, пару дней назад я, как чувствовал, заглянул в моторный отсек, потрогал: потеков антифриза не было. Короче говоря, можно было разжиться. С возвратом, конечно.

Продажа автомобиля была не самой сложной из проблем в связи с предстоящим отъездом. ОВИР требовал документы по списку. Кажется, и перечень не очень длинный: сдал то, получил взамен это, сложил в папку одно за другим - и всё. Но каждое «сдал» тянуло за собой какие-то дополнительные справки, запросы, подтверждения... И всё это из самых неожиданных мест, вплоть до справки из ЗАГСа по месту рождения. А где он, тот ЗАГС, если ты сын офицера, кочевавшего с семьей, как цыган, по всем окраинным гарнизонам огромной страны? Был среди документов даже такой: справка о перенесенных заболеваниях и сделанных прививках. Были там упомянуты и прививки от столбняка и бешенства.

...Вряд ли я успевал понять, что именно в моё горло метят клыки дружелюбного Джима, но сработал инстинкт, и я заслонился правым локтем...

Боль в районе подмышки была довольно сильной, сквозь обширную прореху в легкой куртке виднелся разодранный серый свитер, который уже начал набухать бурыми пятнами. Джим стоял в метре от меня, чуть слышно рычал и нехорошо смотрел мне в глаза. Я медленно-медленно потянулся левой рукой назад к ручке калитки, тихо, без щелчка, нажал ее, потянул на себя дверь, приоткрыл и пятась вышел на улицу. Джим перестал рычать: улица не его территория.

В это время распахнулась дверь дома, и на струганом крыльце без перил появилась знакомая крепкая фигура. Николай был одет, как всегда, по-домашнему: длинная серо-голубая рубаша навывпуск, мятые спортивные трикотажные штаны, пимы на босу ногу. Он зевнул, почесал бороду, потом выющиеся спутанные волосы - приводил себя в порядок. Судя по тяжелым мешкам под серыми покрасневшими глазами и подрагивающим пальцам, это было непросто.

-«Ну, здорово. Заходи, что ли».

Я показал на пса, потом на куртку и свитер: «Убери его».

-«Ну, ты даешь! Кобель на цепи – он же охраняет! Маленький, что ли?», - Николай шагнул вниз, расстегнул ошейник. Джим, не взглянув на меня, весело умчался за дом, в сад.

-«Пойдем, йодом намажу. Танька не знаю где. Мы вечером с клиентом немного посидели. Ну, в общем, понимаешь».

-«Говори. Чего хотел-то? Мы вроде как вчера не договаривались...», - Николай с дивана потянулся и вытащил из-под стола запечатанную бутылку жигулевского.

-«Помпа потекла, а тут покупатель должен подъехать, я тебе рассказывал».

-«Помню, помню, Шалом Шаломыч. Ну, вообще... Никогда бы не подумал. Когда, говоришь, клиент придет?»

-«Послезавтра до обеда договорились».

-«Завтра сделаю. Сегодня тяжеловато будет», - Николай зацепил обручальным кольцом бутылочную пробку. Кольцо было удобное, проверенное, кромка его была заметно деформирована от постоянного употребления.

-«Стоп! Подожди», - я перехватил его руку, - «Меня твой Джим, гад, куснул?»

-«Куснул. Правильно сделал. Он на цепи, охраняет, понимаешь?»

-«Ладно, допустим, машина подождет до завтра. А точно, сделаешь?»

-«Пузырь», - Николай освободил руку и потянулся к пиву.

-«Со своих дерешь? Ладно... Думаю, мне сейчас справка важнее», - я снова придержал его руку.

-«Какая... сейчас справка важнее?», - не понял Николай.

-«От ветеринара. Что собака здоровая, и что я поэтому здоров. Меня без этого овир не выпустит».

-«А что, в Израиле справка от нашего ветеринара пойдет?»

-«Откуда я знаю?! Написано, справка о прививках от столбняка, бешенства, еще чего-то. А тут Джим вон куснул, гад! Может, он бешеный. А мне лучше сейчас сразу выяснить, бешеный или нет, да и справку заодно взять, чем сорок уколов на всякий случай делать. А то потом еще про уколы узнают и не пустят. А я уже машину почти продал. Да и собрался, честно говоря».

-«Кто бешеный?! Да он привитый, породистый, смотри, борода, вон, какая... Ладно, фиг с тобой, поехали к ветеринару», - Николай с сожалением отставил бутылку в сторону и начал собираться.

Ветеринар, казах лет сорока, сидел за однотумбовым канцелярским письменным столом спиной к маленькому пыльному окошку. Стол был прикрыт неровно обрезанным потертым оргстеклом и завален какими-то бумагами. На свободном пятачке стоял графин без пробки с желтоватой на просвет водой. Ветеринар налил себе воды, трудно выпил, поставил стакан на стол и спросил: «Да?». Я объяснил ситуацию. Было видно, как он пытается понять, что мне нужно.

-«Какой справка? Зачем?»

-«Вот собака укусила, справку надо, что он здоровый», - я невольно подстроился под предложенный стиль.

-«А собака прививка делал?»

-«Коля? Делал?»

Николай посмотрел на ветеринара, на меня, почесал бороду: «Делал, конечно. Он породистый, ризеншнауцер. Борода вон какая...», - и снова почесал свою.

-«А ему», - ветеринар указал на меня пальцем, -«зачем справка для твой собака?»

-«Он, это... Ты мне, короче, справку дай, раз моя собака», - Николай взял разговор в свои руки.

-«Паспорт на собака давай».

-«Блин, дома забыл».

-«Ладно. Двести рублей справка. Когда прививка делал?» - ветеринар вынул из-под кипы бумаг амбарную книгу.

Я достал из портмоне две сотенные бумаги.

-«Думаю, в прошлом году. Как сейчас помню...», - мне показалось, что Николай сказал это не очень конкретно.

-«Фамилия, адрес?»

Николай назвал.

-«Как собака зовут, кличка?»

-«Джим»

-«Порода, масть?»

-«Ризеншнауцер, черный»

Ветеринар долго перелистывал журнал, приподнимая страницы и оглядывая их с двух сторон: «Нет, не записан».

Николай снова почесал бороду: «Знаешь что, мне квитанция от тебя не нужна, наверно. Только справка. Моя ведь собака, не казенная».

Ветеринар начал что-то писать в журнале: «Как, говоришь, собака зовут?»

-«Джим, ризе... ризен... шнауцер, черная».

Ветеринар отодвинул журнал, достал из ящика стола сероватый бланк, медленно, задумываясь, заполнил его, расписался, отодвинул в сторону бумаги, нашел печать, положил справку на раскрытую ладонь, подышал на печать и прижал ее к подписи: «Вот справка», - и потянулся к графину с водой.

В справке крупными буквами было написано:

Порода: прочерк,

Кличка: Джим,

Пол: сука,

Масть: рыжий,

Прививки: делал,

Состояние: здоров.

Простая сказка для моего сына

«Папа, погладь мне щечку, я тогда усну», - так просил меня мой маленький сын перед сном. Я гладил детскую щечку и рассказывал разные истории и сказки, которые когда-то давно рассказывали мне мои мама и папа. А потом, когда я был далеко от дома, я написал эту сказку для моего сына. Теперь он уже взрослый, но может быть, сказка понравится другому маленькому мальчику или маленькой девочке.

За окном тихо угасал сумрачный декабрьский день. У окна, прижавшись носом к холодному стеклу, стоял мальчик и смотрел на улицу. Так стоял он уже давно. Серый слежавшийся позавчерашний снег кое-как укрывал землю, местами сквозь него проглядывало что-то чёрное, мёрзлое и тревожное. И не было видно высоких гор, на которые мальчик всегда любил смотреть из своего окна. Иногда их не видно и ясными ночами, это когда на небе нет луны. Но тогда всё равно оставшаяся в памяти с вечера незримая ломаная линия делит от края до края огромный небесный свод на две одинаково тёмные, почти чёрные, части, но почему-то всегда понятно: вот они горы, а вот оно небо.

Ах, как же красивы бывают горы ранним утром, когда первые лучи солнца с той стороны осторожно дотрагиваются до их заснеженных вершин! Вершины окрашиваются в радостный золотисто-розовый цвет, ниже угадываются синие поросшие тяжёлыми елями склоны и чёрные бездонные ущелья, рассекаемые голубыми хребтами. А над всем этим чистое лазоревое небо, и низко-низко над горами медленно растворяется в небе прозрачная луна. Сказка!

Мальчик дома один. Случилось так, что все его родные сейчас далеко, и ему грустно. А он так ждал этого дня! Ведь в полночь наступает Новый год. Новый год, он так любит этот праздник! В этот день вместе с папой и мамой они с утра всегда устанавливали и наряжали небольшую ёлку, украшали её бусами, шарами и звёздами и красивым блестящим дождём. На колючие зелёные лапы аккуратно укладывали мягкие пушистые полоски ваты вместо снега, посыпали вату блёстками, а ранним вечером, как стемнеет, подключали и проверяли в темноте электрические гирлянды. Только на мгновение. Разноцветные лампочки загорались и сразу гасли, но за этот короткий миг мальчик успевал увидеть, как красиво сверкают игрушки, мириадами острых морозных снежинок вспыхивают блёстки, белая вата превращается в свежий и чистый снег, а за всем этим видна их ёлка, тёмная и немного таинственная за яркими огнями. Всякий раз ему хотелось начать праздник пораньше, прямо с утра, но родители всегда, по-

доброму улыбаясь, терпеливо объясняли мальчику, что нужно подождать, что Новый год приходит ровно в полночь, вот тогда и наступает праздник. Но он-то был уверен, что чем раньше начнёшь праздновать, тем скорее праздник наступит. Ладно, ждать праздник тоже приятно. На душе тревожно и радостно, ёлка – вот она – вместе с ним ждёт своего часа, а рядом любящие папа и мама.

В прошлом году они с папой сделали очень симпатичный маленький домик с крыльцом, дверью и окошками. Давным-давно у папы, в его далёком детстве, был такой маленький домик, он очень его любил, и ему хотелось, чтобы у мальчика был такой же. Вот они и сделали домик из тонких мягких дощечек, спичек, картона и ещё чего-то, что было под рукой. Конечно, делал в основном папа, а мальчик смотрел и помогал клеить и раскрашивать стены и крышу. Но ведь мальчики так и учатся делать хорошие и нужные вещи. Домик вышел на славу, а главное – такого больше ни у кого не было! Если приоткрыть маленькую дверь и заглянуть внутрь, можно рассмотреть там маленький стол, на нём совсем маленькую вазу, вокруг стола маленькие стулья, в углу маленький телевизор – всё как настоящее. Можно, правда, приподнять и снять с домика крышу и увидеть всё это сверху, но это уже не так интересно. Домик они поставили под ёлку, папа пристроил внутри две лампочки от гирлянды, и вечером перед праздником в окнах этого домика вдруг появился свет. Домик стоял в темноте под ёлкой, окна светились неярким желтоватым приветливым светом, и казалось, что там живёт кто-то маленький, мудрый и добрый. Сейчас его нет дома, наверное он пошёл куда-то по своим предпраздничным добрым делам, но к празднику обязательно вернётся, ведь мальчик ждёт его. Мальчику всегда думалось, что папа и мама ждут его тоже. А почему бы ему и не думать так? Всем хочется чего-то хорошего и доброго - и детям, и взрослым.

Самый главный герой всегда появлялся на празднике последним. Года три назад, когда мальчик был ещё совсем маленьким, это был степенный Дед Мороз с окладистой бородой до пояса, в длинном тулупе, из-под которого выглядывали круглые носки больших валенок, с тяжёлым мешком за плечами. Мальчик как-то попытался заглянуть в мешок, но он был крепко завязан, и из этой затеи ничего не вышло. Старшие говорили, что есть ещё Снегурочка, то ли внучка, то ли племянница Деда Мороза, хотя под ёлкой он всегда был один. Потом Деда Мороза сменил бодрый и жизнерадостный Санта Клаус, тоже в годах, однако короткий красный полушубок замечательно молодил его. Наверно в коротком полушубке сподручнее управлять оленьей упряжкой, на которой он, как говорят, добирается из далёкой холодной таинственной Лапландии. Для мальчика вовсе не было загадкой, как это он, такой маленький, приносит подарки, порой довольно крупные, которые утром обязательно оказываются под ёлкой. Когда папа с мамой

как-то попытались объяснить, что ночью, когда мальчик спит, тот, кто под ёлкой, становится большим и сильным, что он раздаёт подарки очень быстро и что у него много невидимых помощников, мальчик даже немного рассердился: всё же и так понятно: это – волшебство.

Мальчику было грустно. Скоро праздник, а он совсем один. Редкие прохожие за окном торопятся домой. Кто-то с перевязанной в нескольких местах ёлкой на плече, кто-то с пакетами и сумками в руках, кто-то с тем и другим сразу. Дома всех их ждут родные и друзья, а главное, с нетерпением ждут дети, мальчики и девочки. Он отвернулся от окна и посмотрел на свою ёлочку. Он снял её с антресоли сегодня утром, пришлось подтащить стол и поставить на него стул, всё-таки для него было высоковато. Он хорошо помнил, куда её, такую похожую на настоящую, уложили год назад вместе с аккуратно упакованными ёлочными игрушками. Он очень любил свою ёлочку. Ёлочка это праздник, а как можно не любить праздник?! А сейчас она стоит на пустом журнальном столике без игрушек, без блёсток и гирлянд, поникшая и грустная. Надо, пожалуй, немного подправить и распушить ветви. Вот так. А папа достал бы сейчас коробку с игрушками и спросил: «Поможешь?»

Конечно, он всегда помогал. Это было так здорово, доставать игрушки из коробки, где они лежали, переложённые мятой бумагой и ватой, и вспоминать, где и как они висели в прошлом году.

- «Пап, пап, давай эту звезду повесим здесь»,

- «А может, повыше?»

- «Нет, она здесь должна висеть, я знаю».

- «Ну хорошо, сын».

И мальчик вешал её рядом с точно такой же звездой, и каждой из них, наверно, приятно было видеть друг в друге отражение самой себя, красивой и праздничной. Может быть, ночью, когда все спят, они о чём-то шепчутся друг с другом. Хотя о чём им шептаться? Ведь целый год они пролежали рядом в тёмной коробке, нашептались, наверно. В эти минуты мальчик всегда думал, что нужно бы наконец потерпеть, не заснуть, неслышно пробраться ночью к ёлке и послушать эти тихие разговоры, посмотреть, что за чудеса там происходят.

А сейчас так жалко её, эту печальную ёлку, у всех вот-вот наступит праздник, а у неё? А ведь это в первую очередь её праздник. Это она хозяйка на празднике, это ей нужно, чтобы всем было хорошо и весело. А сейчас всё не так. Ещё нет шести, а на улице уже совсем темно. И дома темно. На столике неясной тенью виднеется ёлка. Надо бы достать все игрушки, какие есть в коробке там наверху,

нарядить ёлку, включить гирлянды и начать праздновать вдвоём: ёлка и он. Раз в доме больше никого нет, можно начать пораньше. Мальчик опять подтащил к антресоли стол, который вернул на кухню утром после того, как достал оттуда ёлку, поставил на него стул. Ему всё-таки было слишком высоко, и он приподнялся на цыпочки. Эх, папа-папа, где же ты? Ты легко достал бы эту коробку и сказал: «Подержи, сын».

Мама, конечно, предложила бы: «Давай я».

- «Нет, нет, я сам, она не тяжёлая», - и он осторожно, на вытянутых руках, понёс бы коробку к своей ёлочке...

Папа, мама, где вы? Плохо одному. Плохо... Так, интересно, до чего это дотянулись пальцы? Коробка? Нет. Это же наш домик! Вот-вот, ещё чуть-чуть. Вот он. Домик был в порядке. Немного покосилась маленькая дверь, да телевизор куда-то пропал. Жаль, но дело житейское, как любил повторять старина Карлсон. Главное, наш славный домик жив-здоров. Мальчик осторожно спустился на пол, бережно держа в руках домик, в темноте на ощупь поставил его на столик рядом с ёлкой. Потом он включил свет. Увы, всё не так. Ёлка была совсем неживая без игрушек и гирлянд, домик рядом с ней был скучным и чужим. Никто и никогда не захочет в нём жить, никогда не вернётся туда кто-то маленький, добрый и мудрый... Мальчик аккуратно подвинул домик глубже под ёлку, туда, где он обычно стоял. Ничего не изменилось. Он выключил свет. Так всегда делали папа и мама перед тем, как зажечь гирлянду. Стало темно и всё. Мальчик вышел на кухню, нашёл на полке маленький огарок свечи, которой иногда пользовались, когда в доме вдруг отключали электричество, пристроил его в неглубокую чашку, чиркнул спичкой, зажёл и поставил возле ёлки. Тусклое пламя чуть осветило стену домика и нависшую над ним ветку. Нет, это не праздник. Ему стало так горько и одиноко, что он прилёг щекой на подушку и беззвучно заплакал.

...Наверно прошло какое-то время. Мальчик открыл глаза и огляделся. На столике стояла ёлка, под ней виднелся домик, рядом с ними горел огарок свечи. Он совсем не уменьшился, значит, времени прошло немного. Но что-то изменилось в комнате. Мальчик приподнялся и сел. Щёки и глаза были влажными, он вытер их уголком подушки. Да, что-то изменилось. Ему показалось, что в комнате стало светлее. Окно уже не было таким безнадежно тёмным. Мальчик подошёл к окну и увидел, что там пошёл снег, да какой! Крупные лёгкие снежинки, похожие на те, что мама когда-то учила его вырезать ножницами из белой бумаги, волшебным образом возникали из морозного воздуха и медленно-медленно спускались с неба на серый позавчерашний снег и чёрные мерзлые прогалины, укрывая их пушистым белым покрывалом. Прямо на глазах всё становилось ярким и

праздничным. Небо, как это ни удивительно, было абсолютно чистым и казалось чёрным из-за необычайно крупных и ярких звёзд. Их было очень много, столько звёзд на небе мальчик не видел никогда. Они не мерцали, а светили ровно и спокойно. И падал снег.

И что-то произошло с горами! Месяц узкой кромкой показался из-за гор и едва-едва прикасался к вершинам. Самые высокие дальние пики были как будто нарисованы на чёрном небе острым серебряным карандашом, и эта тонкая ясная линия излучала тот волшебный неяркий свет, который увидел, нет, почувствовал, мальчик. Под светящейся линией лежали горы чудесного синего цвета, он изменялся от голубого на хребтах и вершинах до тёмно-синего, почти чёрного, в низинах и распадках. И видно было всё, видны были даже отдельные ели, покрытые снегом. И, кажется, было видно даже, как снег на их ветвях искрится в серебряном свете.

Мальчик вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Странно, но это совсем не обеспокоило и не испугало его, как будто происходило именно то, что должно было происходить. Он медленно и с интересом обернулся.

- «Кто здесь?» - спросил он тихо.

Пламя свечи чуть качнулась, чуть дрогнула неровная тень ёлки на стене, мальчику почудилось, что кто-то смотрит на него из окна домика. Да нет, этого не может быть. Чудеса чудесами, а жизнь жизнью. Правда, ему показалось, что окна домика слабо светились изнутри.

- «Здравствуй, - негромко произнёс спокойный женский голос, похожий на мамин, - поздравляю тебя с праздником и пусть в новом году сбудется всё, что ты пожелаешь себе сейчас».

Это были те самые слова, которые обычно говорили ему папа и мама, когда они, сидя за праздничным столом, поднимали высокие хрустальные бокалы с золотистым вином, и весёлые маленькие пузырьки отрывались от дна бокала, быстро всплывали к поверхности и с лёгким щекочущим шипением рассыпались мелкими-мелкими брызгами. Мальчик тоже поднимал свой бокал с шипучим лимонадом или виноградным соком, который он любил даже больше, чем лимонад, и от души говорил: «Поздравляю вас с праздником». После этого бокалы с нежным звоном ударялись друг о друга, и начинался праздник.

- «Ты кто, - спросил мальчик, - Дед Мороз?, - он улыбнулся своему вопросу, - нет, фея?»

- «Фея... Конечно, фея. Сядь. Ты знаешь, что сегодня наступает Новый год?»

- «Я знаю, я очень люблю Новый год. Только вот я совсем один».

- «Почему?»

- «Ну, так получилось. Очень жалко. Были бы рядом папа и мама, так бы было хорошо. Праздник – это когда папа и мама рядом».

- «А чего ты хочешь больше всего на свете?»

- «Я же сказал, чтобы папа и мама были рядом».

- «А какой подарок ты хотел бы на Новый год?»

- «Я же сказал! - мальчик даже рассердился, - чтобы папа и мама были рядом».

- «Это подарок?»

- «Это самый лучший подарок, какой только может быть», - твёрдо ответил мальчик.

Из каких же простых и в то же время необычайно серьёзных и важных вещей и событий складывается счастье ребёнка: ёлка, снежинки, весёлые пузырьки в бокале, Новый год, и чтобы папа и мама были рядом. И чем дальше уходит детство, тем менее важными кажутся они нам, тем безнадежнее оплетаем мы себя нескончаемой паутиной больших и маленьких забот. И уже не видно из этого кокона, как тепло светятся маленькие оконца в домике под ёлкой, и уже не думается с трепетом о том, что же там, в мешке у Деда Мороза, и навсегда одиноко уже совсем не от того, что нет рядом папы и мамы. А жизнь всё идёт и идёт вперёд, и нет ей никакого дела, что детство прошло и никогда не вернётся. Никогда...

- «Хорошо, пусть так и будет. Пусть сейчас ты заснёшь, а когда проснёшься...»

- «Я не засну», - подумал и хотел ответить мальчик, но глаза у него уже закрывались сами собой, он попытался возразить и не смог...

- «Спи, мой мальчик», - фея склонилась к нему и легко погладила его мягкой ладонью по щеке возле уха. Мальчик улыбнулся, засыпая: так всегда делала мама, когда укладывала его спать.

- «А подарок точно будет? - сквозь сон проговорил он, - точно?»

- «Точно, феи никогда не обманывают», - серьёзно сказала фея.

- «Иначе, какие же они феи?» - хотела добавить она, но мальчик уже спал и чему-то улыбался во сне.

Дневник старшеклассницы Вали Ск.

Я не сразу решился опубликовать этот короткий рассказ. Не сразу решился я и озаглавить его так. Дневник старшеклассницы – как правило, в литературе за этим скрывается что-то на грани можно-нельзя или переживания по поводу только что состоявшегося перехода этой грани. Здесь совсем о другом.

Два года назад получил я в «Одноклассниках» (сейчас я закрыл свой аккаунт, провожу финальную зачистку) письмо от незнакомой мне женщины. Она, как выяснилось, училась параллельно со мной, но классом старше. Выпускались мы одновременно, в те годы Союз переходил (возвращался) с 11 на 10-летнее среднее образование, а 1966 год был переходным, т.е. в этом году было два параллельных выпуска. Кто попал в эту мясорубку при поступлении в вуз, тот не забудет никогда. Но это другая тема. Тогда мы думали по этому поводу примерно так: «Одолеем!»

Мы переписались, повспоминали общих знакомых и учителей. А потом Валя сказала, что она записывала тогда то, что казалось ей важным, вела дневник: «Там о тебе. Интересно?»

Ещё бы!

Юра, привет! Не знаю почему, но в школе я только тебя выделила из всех. Нет, это не любовное увлечение. Твой образ был для меня каким-то "импортным", необычным. Ты младше меня, и я еще не знала, что ты умница. Вот так, просто понравился и все! Мне не надо было ни твоего внимания, ни знакомства с тобой - ничего. Просто мой кумир.

Юра, здравствуй! Первое "досье" на тебя появилось 6 апреля 1964 года:

Белиловский Юра 8"А" - невысокий, полненький, волосы у него черные, вьющиеся. Хорошо учится, занимается музыкой и спортом.

19 мая 1964 г.

Вся школа ездила в колхоз "40 лет Октября", там проходила линейка, соревнования и художественная самодеятельность. Юра всегда окружен друзьями. Во время моих вечерних прогулок на вело почти всегда вижу Юру-футболиста.

31мая.

Юра стоял на воротах, был в спортивном костюме и синих гетрах.

6 июня.

Последний день занятий у 8 классов, Юра был на машиноведении на улице.

23 июня.

Наш 9"А" закончил учиться. Вечерняя прогулка на вело, Юра играет в футбол лучше всех!

Летние каникулы мы с братом проводили в деревне Иртышск Павлодарской области. Там учителем истории работал наш дядя. Он служил в польской армии и ему кроме Иртышска нигде не было работы. Там он и похоронен.

После каникул ты стал учиться в 9"Б" - чертежники, как и наш 10"А".

Здравствуй, Юра-мой школьный кумир!

1964 г. 2 сентября.

А Белиловский не изменился.

29.09.

Наш класс дежурный по школе, а у 9"Б" сегодня с утра практика. Столько новеньких да хорошеньких старшеклассников, а с Б.Ю. некого даже сравнивать!

23.10.

У нас был урок физ-ры, играли в ручной мяч. Юра пришел, видно, на тренировку, был в военной рубашке, его отец, наверное, военный?

27.10.

Утром видела Б.Ю., был в берете, в черном модном пальто и с дорогой желтой папкой.

7.11.

С демонстрации Юра ушел.

30.11.

Целый день идет снег. Физ-ры не было, мы убрали зал. В фойе у нас стоит стенд на котором написано "Лучшие из лучших", я подошла посмотреть и увидела самого лучшего, кого только знаю, -Б.Ю.! Его фото среди небольшого количества фотографий, здесь же Володя Зориков.

22.12.

+6, тепло. Юра сегодня в черном свитере.

8.01.1965 г.

На катке "Медик" у кассы в серой меховой шапке увидела Юру.

16.01.

На английском языке, на доске прочла – Белиловский – видно, его куда-то избрали!?

18.01.

С доски почета фото Зорикова, потом Юры кто-то стянул.

19.01.

На английском сижу у окна (вид на 94 школу и пр. Гагарина). Юра идет в школу, я улыбаюсь! Почему это так? Ведь с ним мы даже не знакомы? А мне хочется его видеть, слышать его голос? Теперь видеть его я буду реже, т.к. практика у них со второй смены.

25.01.

Выпал снег. Сегодня Юра в светло-коричневом свитре. Он все время ходит в свитерах и они ему очень к лицу!

Юра, привет! Английский - Дмитриенко Юлия Михайловна, наш классный руководитель. Фото с доски почета не я "увела". Не успела.

2.03.1965г.

Я стояла в вестибюле, вошел Б.Ю. Мы встретились взглядами. Минут через 5 он проходил мимо и опять его взгляд! Сегодня я хорошо разглядела его глаза. У него они темно-темно карие. И почему он сегодня не на практике!?

8.03.

Сегодня должен быть кружок английского языка. Я заглянула в наш 18 кабинет и увидела Б.Ю. Он был дежурным: переворачивал парты, мыл пол. В классе были его мальчишки, с которыми он вышел и направился к магазинчику напротив. О, какой ты милый, Юра! И твоя спортивная сумка тоже мне кажется милой!

10.03.

В 18.30 пошла на кружок английского языка. Юра переходил дорогу был с желтой папкой и огромным листом ватмана.

24.04.

Наш класс ответственный за вечер, посвященный дню рождения Ленина. Юру видела, спускающегося по лестнице, и на улице. Только что прошел дождь:

во все небо была радуга, горы и запад "пылали огнем"! После торжественной части Юра ушел.

1.05.

На демонстрацию Б.Ю. пришел в белой шелковой рубашке, в черных брюках, черных безразмерных носках и в сандалетах. А в руках у него "Спидола". Он, оказывается, шалун! Достал где-то проволочку и стал прокалывать шары! Он только притронулся к шару одной девочки, не знаю как это у меня вышло, я схватила его за руку! Он с Зориковым постоянно был около меня, был весел. А я, как дура, глядела на него! Карие глаза, кудрявая голова, между верхними зубами небольшая "расщелина", широченные плечи, руки большие сильные с "жилочками". Он и сам, должно быть, очень сильный?! Лицо у него самое обыкновенное, но в нем есть что-то... Нет, он не такой, как мы все-простаки! Он выше нас во всем!

4.05.

Расписание переставили, совсем "иссякли" все случаи, когда я могу видеть Б.Ю. Но зато теперь у меня есть его фото! Юра, видимо, принес это фото на комсомольский билет, а я у него "повзаимствовала" (когда "взаимствовала" у меня страшно тряслись руки и билось сердце)!

11.05.

Сегодня у него практика, увидев его в окно, поднялась на 3 этаж, Юра-прелесть!

Привет, привет! На пожелтевших страницах четко выделяется написанный пером (№11,думаю), с "нажимом", как в прописях, текст. Местами кляксы! Сколько же чернильниц я продырявила? И не лень было описывать каждый день?! Далее, правда, появилась авторучка, чернилами заправляемая!

12.05.1965 г.

Сегодня пошла вверх по пр. Гагарина, размышляя: увижу Б.Ю., затем пройду остановку и сяду на автобус. Иду тихо, а навстречу он идет! Я смотрю, он смотрит..., но все-таки он не выдержал взгляда, отвернулся и я тоже. Иду, не чувствуя под собой ног! Говорю себе: "Оглянись, оглянись!" А голова словно привязанная, не хочет оборачиваться. Но все-таки я обернулась. И ведь Юра тоже обернулся!

Перепечатаваю текст, как он написан почти 50 лет назад, ничего не переделывая.

13.05.

В 19 часов было комсомольское собрание. Как хотела видеть тебя, Б.Ю., и ты пришел! Это, наверно, твое первое комс. собрание? Оно проходило в зале школы № 94. Ты сидел впереди меня, и я глядела на тебя, любовалась всеми твоими движениями. Ты шалун и самый настоящий мальчишка!

15.05.

А сегодня после уроков видела Б.Ю. настолько близко, что могла протянуть руку и притронуться к нему или, хотя бы, сказать ему что-нибудь! Он наверняка со мной никогда не заговорит первым! Я хочу сказать ему что-нибудь. Но когда он приближается, я не только не могу вымолвить слово, но даже оглянуться на него мне приходится заставлять себя. Сегодняшняя встреча состоялась у школы при переходе через трамвайную линию.

18.05.

У Б.Ю. сегодня практика. Я зашла к чертежнику, стала искать свою деталь. Юра тоже подошел к столу. Теперь я знаю где он сидит. Он сидит на том же ряду, где и я: только я сижу на первой парте, а он на последней.

26.05.

Сегодня провожали 9-классников на практику. Теперь в школе осталось всего шесть классов. Юра в белой рубашке, черных брюках и светлых носках, все время с Зориковым и другими мальчишками.

24.06.

Линейка. Юра был в том же, что и 1 мая, только теперь у него блестящие туфли (новые). На линейке вручали похвальные грамоты. Из мальчишек только он один, ОН ОДИН получил эту грамоту! Ой, и дура же я, никто не хлопал ему, а я (как это у меня вышло?) захлопала и покраснела.

3.09.1965 год.

Издали, среди многих, узнала Б.Ю. Он прошел мимо в белой шелковой рубашке, в черных брюках и с желтой папкой. Не изменился. Странно, но почему-то его глаза мне показались серыми. А может быть, они у него и впрямь серые?

4.09.

Я только вышла из школы, вижу, Юра идет с двумя девочками. Одна из них Гратвол.

7.09.

Осталась мыть полы в классе, у двери услышала голос Б.Ю (они -дежурные). Он стоял около нашего класса в белой рубашке с желтой папкой, рядом стояли его одноклассники и Гратвол.

8.09.

Когда вышла из класса и направилась домой, Юра (в том, светло-коричневом, свитре) стоял около доски объявлений. А он толстяшка!

9.09.

Из окна и в вестибюле видела Б.Ю. Он не картина, чтобы любоваться им! Так зачем на него смотреть?

13.09.

Я иду из школы, а он навстречу в светло-коричневой рубашке и с папкой... ух!

16.09.

Сегодня Юра в клетчатой рубашке.

29.09.

У нас физ-ра пятым уроком на улице. Юра приехал в школу на гоночном велосипеде. Был как спортсмен: в черном свитере, черном трико и вело-шапочке. Ну, толстяк-толстяком! Целый урок был здесь. Не знаю почему, но я хочу его видеть!

30.09.

После уроков был классный час (в 19 кабинете). Я села у окна и смотрела на дорогу, даже шея заболела. Б.Ю. опоздал на 15 минут. Сегодня он был в костюме, с Зориковым.

1.10.

Октябрь уж наступил... Была практика, в окно увидела Юру и вся охота чертить пропала. Только бы глядела, только бы наблюдала за ним! На перемене вышла на улицу, Б.Ю. проехал мимо на вело, в белой шапочке и в черном спортивном костюме.

2.10.

Закончились занятия, я шла вверх по Гагарина с девочками, а Юра очень медленно ехал по дороге и смотрел, смотрел... Да, это был тот взгляд! Я засмеялась, так, без причины засмеялась. У Б.Ю. зеленый гоночный велик, белая майка и шапочка. Милый, теперь уже не футболист, а велосипедист- Юра Белиловский!

7.10.1965 год.

Юра шел на практику, в костюме. Вечером раскроила себе пальто, учила. Если я не поступлю в институт и не стану модельером, будет ужасно!!!

9.10.

Б.Ю. пришел раньше обычного и стоял у школы.

22.10.

После практики осталась дочерчивать и конечно же увидеть Б.Ю. Но сколько ни глядела... Но когда направилась на остановку, вижу Юра едет с отцом на "Москвиче". Отец, как я и раньше догадывалась, у него военный.

10.11.

Дождь, дождь, дождик! После школы в дверях повстречалась с Белиловским. Все вышло забавно, даже девчонки заметили! Он хотел войти, но потом, увидев меня, уступил мне дорогу и долгим взглядом смотрел на меня. Я тоже смотрела на его лицо. Сам он был весь мокрый, а на носу сверкала капелька дождя. Станный у него взгляд. Мгновенное счастье. Милый мой интеллигент Юрий Белиловский!

13.11.

Ездил в центр, на пути встретила Б.Ю. - мальчишка!

15.11.

После практики Юру видела настолько близко, что могла бы дотронуться рукой. Повторяю вновь, странный у него взгляд! Даже возможно то, что он смотрит на меня и не видит меня или, может быть, замечать не хочет? А?

19.11.

Погода чудесная +19! Обожаю практику. После практики нас отпустили раньше. Я в такое время не надеялась увидеть Б.Ю. Но увидела в вестибюле. Прелестный, в голубой олимпийке. Олимпийки сейчас в моде.

Юра, здравствуй! Продолжаю "Школу". Есть время, а главное, настрой.

22.11.1965 г.

И опять в вестибюле Б.Ю. в своей олимпийке.

30.11.

В школе готовится вечер ко Дню Конституции, меня пригласили участвовать в нем. В 18 часов прибыла в школу. У лестницы увидела Юру - все вокруг преобразилось!

04.12.

Выпал мокрый снег. Школа вся светится, у входа множество мальчишек. Стоя у зеркала, увидела Б.Ю. Не раздеваясь, он сразу ушел и больше я его на вечеру не видела.

08.12.

Когда выходила, у дверей школы с мальчиками стоял Юра.

13.12.

В школе только и разговоров, где будем проводить Новый год. Вышла из школы, вижу группу ребят и Б.Ю. В импортном пальто и без шапки (модничает).

10.01.1966 год.

К школе даже не готовлюсь, а ведь завтра в школу! В 19 часов была на "Динамо". Каток еще не открывали. Народу множество! Около кассы увидела Б.Ю. с девочкой в розовой шапочке. Я была, как всегда, со своими мальчиками-конькобежцами. Слава Мельников (из нашей школы) присоединился к нам. Юра катался один.

13.01.

После школы хотела сделать уроки, чтобы завтра был день свободен. Но каток.., помчались туда! Позднее прибыл Юра со своей "Розовой шапочкой".

15.01.

Суббота. Валит мокрый снег, сыро. Какой каток в такую погоду? Работает только "Медик". Мы стояли около статуи "Боксера", а мимо проходил Юра в олимпийском костюме, импортном пальто и в серой шапке.

21.01.

Практика была с утра. Б.Ю. в школе не видела. Девочка, с которой вижу его на катке, учится с ним в одном классе.

22.01.

Сидела на уроках с великолепнейшим настроением. Отсидела 5 уроков, а с английского "сплановала". Долго собирались, встали на коньки в 20.30. Юра был здесь.

28.01.1966 год.

Практика была с утра, на перемене видела Б.Ю. - красавчик!

31.01.

В 11 часов пошла в школу сдавать экзамен. Все волнуются, а мне все равно, даже очень все равно. Люблю бродить по тихой школе одна. Ноги принесли меня к 36 кабинету, у Б.Ю. здесь география, я стояла и слушала. Позже у 18 кабинета он взглянул на меня и наши взгляды встретились. Потом еще видела его в

вестибюле и еще видела, сидя на подоконнике в кабинете черчения, он уже шел домой. Была такая пасмурная погода. Экзамен сдала на 5, но никакой радости. Когда возвращалась домой крупными хлопьями повалил снег - вот это радость! Отчего радостно, когда идет снег?!

04.02.

В школе видела Б.Ю. с "Розовой шапочкой". Они стояли напротив кабинета математики. Она стояла лицом к окну и что-то говорила, а Юра, облокотившись на подоконник, с таким внимательным и вместе с тем с задумчивым видом слушал ее. На дворе лужи и туман. Из окна автобуса у проектного института вновь увидела Б.Ю. Мимо проехала машина и обрызгала Юре брюки, он стал отряхивать их.

25.02.1966 год.

Практика с утра, было желание чертить. Один раз только на перемену вышла. Стояла в коридоре болтала с Белобабой Сергеем, а Юра стоял дальше у окна и смотрел. Пусть он меня, возможно, не замечает, но все равно, как замечательно видеть его взгляд!

11.03.1966 г.

Практика. На переменах видела Б.Ю. в олимпийке. Прелесть мальчик! Немного завидую той девочке с которой Юрий дружит, но зависть моя не злая.

18.03.1966 г.

Теперь практика у нас только один день в неделю. На перемене видела Б.Ю. Его мальчишки, шутя, закрыли в нашем кабинете. А олимпийка ему очень даже к лицу!

26.03.1966 г.

Дождь. Последний день перед каникулами. Генеральная уборка классов. Стук ведер, вода, чистые и грязные классы, ученики пересдающие что-нибудь... Юру видела много раз, похоже что он тоже что-то пересдает. Глупо я "обманулась" с Гратвол, не она твоя Любимая! А совсем другая, "Розовая шапочка". Ее зовут, кажется, Таней. Неприметна, ноги даже так себе, но ты этого, вероятно, не замечаешь. Юра, Юра... узнаешь ли ты когда-нибудь, что ты был моим Кумиром?

Узнал, Валя.

Что я могу сказать? Я даже не спросил твоего разрешения опубликовать всё это здесь. Но почему-то мне кажется, что ты не возражаешь. Я ведь не славы ради.

Спасибо тебе, Валя. Не за кумира. За то, что ты вернула меня туда, на полвека назад. Я вдруг прожил заново те несколько дней, которые ты подарила мне. Я прожил их заново так остро, что почувствовал, как стекает с носа та самая дождевая капля, как неудобно держать в руке тяжеленную желтую кожаную папку, увидел как тают в надышанной раздевалке «Медика» снежинки на розовой пуховой Таниной шапке, услышал, как замирают там, над исполосованным коньками льдом, последние звуки такой лиричной и трогательной Non ho l'età - Я ещё маленькая - Джильолы Чинкветти. Я вдруг вспомнил и заново ощутил те свои мысли и чувства. И ведь они не показались мне ни детскими, ни наивными. Они мои.

Твой дневник, Валя - это такая миниатюрная абсолютно эффективная машинка времени: раз - и мы оба там, полные сил, веры, будущего. Мы оба. Поэтому я и уверен, что ты не возражаешь.

Мы прожили жизнь. Каждый по-своему. Каждый, ничего не зная о другом, а я ещё и не подозревая, что есть такая Валя. Даже не подозревая!..

Я преклоняю колени и целую твою руку, Валя. За что? Да ни за что. За жизнь.

Зарисовка с AgriTech

(Из сборника «Хроники ПМЖ»)

В 2006 году довелось мне сопровождать из Алматы в Тель Авив на сельхозвыставку AgriTech Нурлана, моего товарища, директора сельхоздепартамента солидного казахстанского холдинга. Здесь нужно принять во внимание, что с небольшими перерывами с конца 1999 до марта 2010 я, израильтянин, практически безвыездно работал в Казахстане. Семья оставалась в Израиле. Сейчас по этому поводу могу сказать, что овчинка выделки не стоила, потери оказались несопоставимы с локальным выигрышем. Но тогда выбора не было. Так мне казалось.

Семья, она квартировала тогда в Тель Авиве, приняла меня без энтузиазма, но на недельный постой пустила. А Нурлан въехал во вполне приличную марину с прекрасным видом на море.

Международная выставка в Израиле – событие, конечно, интересное. Однако сейчас, спустя десяток лет, вспоминается не выставка, а два забавных эпизода.

Ранним вечером первого дня мы встретились с Нуреке недалеко от Дизенгоф-центра. Вдоль тротуара располагались многочисленные кафе, фалафельные, закулочные и прочий общепит.

-«Слушай, Борисыч, я хочу папайю попробовать. В книгах про путешествия читал: папайя, папайя... Хочу попробовать. Говорят, здесь есть».

-«Сейчас выясним», - я обратился к продавцу свежих соков, мимо прилавка которого мы как раз проходили, -«Папайя есть?».

-«Большой, средний, маленький?», - он показал на стеклянные бокалы, расставленные перед ним на стойке.

-«Нуреке, сок папайи свежавыжатый, как?»

-«Давай. Большой, конечно, чего мелочиться».

-«Два больших».

Продавец начал готовить сок.

-«Вам с чем? Апельсин, грейпфрут, гранат?»

Я перевел Нурлану вопрос.

-«Зачем?! Я папайю хочу. Никогда не пробовал. Только в книгах читал».

-«Не нужно мешать. Давай в чистом виде».

-«Два больших бокала?», - на лице продавца, молодого смуглого парня, отобразилось легкое удивление. Потом он спросил: «Ты папайю пробовал когда-нибудь?»

-«Неважно. Давай чистый сок. Гость просит».

Продавец проговорил что-то негромко себе под нос, в чем я угадал намек на «хозяин-барин», налил из соковыжималки два полных бокала белесой жидкости с не очень привлекательной пеной на поверхности и забросил туда по пластмассовой соломинке.

Мы присели к небольшому столику, Нурлан вынул соломинку, положил ее на салфетку и глотнул из бокала. Мечта есть мечта. Глотнув, он поперхнулся, изумленно посмотрел на меня и отставил бокал в сторону. Продавец с интересом наблюдал за нами.

-«Что это? Как тебе?»

Меня выручила соломинка. Глоток получился небольшой, дегустационный. Вкус жидкости напоминал мне что-то, но что? Что-то явно не фруктовое, отдающее недозрелыми корнеплодами.

Турнепс! В далеком-далеком северном детстве довелось мне пробовать эту продолговатую кормовую репу.

-«Ну, что делать будем?», - спросил я Нурлана, с трудом осилив то, что выдала мне соломинка, -«Может, апельсиновый сок закажем и разбавим?»

-«А ну его! Была мечта, я её осуществил. Больше нету. Пошли».

Спустя пару дней мы выбрали время и съездили с Нурланом в Иерусалим. Быть в Израиле и не посетить Иерусалим – кощунство. Походили немного по старому городу, дошли до ворот в стене, ведущих к знаменитой мечети. У ворот стоял невысокий смуглый очень мускулистый пограничник в шлеме, бронезилете, с укомплектованным тавором на груди. Он остановил нас у открытых ворот, через которые виднелся знаменитый купол: «Куда?»

-«Туда», - я показал пальцем на ворота.

-«Ты израильтянин?»

-«Да», - я протянул ему удостоверение личности.

Он взглянул на документ: «Тебе нельзя».

-«А гостю? Он из Казахстана», - я предъявил ему паспорт Нурлана.

-«Мусульманин? Пусть молитву прочтет».

-«Нуреке, ты мусульманин? Молитву знаешь какую-нибудь?»

На мое удивление Нурлан произнес несколько фраз, в которых явно прозвучало имя Всевышнего. Услышанное удовлетворило пограничника: «Ты проходи, ты жди здесь».

Когда спустя полчаса Нурлан вернулся, я спросил: «Доволен?».

-«Ещё бы. Святое место».

-«Рад за тебя. А я вот недоволен. Самое демократическое государство в этих краях, блин! И на тебе, такая дискриминация по нацпризнаку! Жаловаться буду».

Обыкновенная история или Анахну мы тут?

(Из сборника «Хроники ПМЖ»)

-Ищущий таки обрящил?

-Таки да...

Нью-Йорк - город контрастов и Стамбул - город контрастов. Скоро полвека, как это стало известно. А еще есть Израиль – страна контрастов, поделенная вдоль и поперек её социодемографического ландшафта зелеными, красными и другими линиями и чертами оседлости. Если мысленно рассечь этот ландшафт по хорошо заметной жирной черте, то на срезе проявятся три разновеликих и разноправных образования: евреи, арабы и неевреи. Последнее с первым находятся в легкой конфронтации, второе заметно обособлено и питает к двум другим, не придавая большого значения различию в их статусе, если не ненависть, то серьезную неприязнь. Если копнуть глубже и просканировать первое, то, оценивая по-крупному, это сефарды и ашкеназы. Сефарды – выходцы из арабского мира, ашкеназы – из европейского. Из СССР прибыли: горские евреи с Кавказа, бухарские евреи из Средней Азии и, конечно, ашкеназы из европейских республик Союза; их общее название здесь – русские. После того, как сочинский медальный звездопад в одночасье сменился Майданом, Крымом и Новороссией, эти русские поделились дальше - на русских русских и русских украинцев, причем деление это случилось не только по месту прежнего их проживания, но и по их отношению к тому, что заварили и не могут теперь расхлебать неумные и неумелые кормчие. Объединяет все упомянутые выше касты одно – они израильтяне и в подавляющем большинстве своем евреи.

В первые месяцы пребывания в стране Израиль все чувства, понятно, обострены. Новый язык – это вообще стресс. Изумляешься тому, что звук – это муха (зузззит, не правда ли?), мелафафон – огурец (такой же неординарный, как английский кьюкамбер), а анахну – мы. Обращаю внимание на анахну, потому что для русского уха всякое нах, а лучше – наХ, с акцентом на Х, рефлекторно вызывает фонематическую ассоциацию, сразу трансформирующуюся в прямолинейно-домашнюю смысловую матерную. Ну а поскольку в первые месяцы (у кого-то это затягивается на годы, а у кого-то навсегда) стресс выносит на поверхность вместе с пеной страха и

беспомощности тему: «А зачем мы здесь?», то такая комбинация звука и стресса рождает странный, но выразительный вопрос: Анахну мы тут?

Да, вот ещё интересная выборка с новостной ленты newsru.co.il: «В пятницу, 15 сентября, стало известно о том, что 29-летнему жителю Петах-Тиквы, выходцу из Украины, было предъявлено обвинение в нападении на 40-летнюю женщину, также проживающую в городе. Согласно обвинению, мужчина напал на женщину, приняв ее за русскую. В действительности потерпевшая тоже оказалась репатрианткой из Украины»... Галахический еврей показал галахической еврейке кузькину матір.

Теперь к истории. Её не так давно рассказал мне мой друг Юра. По телефону рассказал. К сожалению, последние несколько лет мы общаемся нечасто. Время идет, и жизнь понемногу складывает на плечи заботинку за заботинкой, гирьку за гирькой; груз этот всё сильнее тянет вниз, и всё больше жизненных сил уходит на то, чтобы просто противостоять этому неумолимому гнёту. Вектор на вектор - школяру забава.

Мы с Юрой знакомы четыре десятка лет, с далеких доэмигрантских времен. Примерно в одно время заканчивали мы аспирантуру, защищались, параллельно продвигались по научной и служебной лестнице. Я эмигрировал в 93-м, Юра - двумя годами позже. В Израиле я пошел проторенной ранее дорогой: обосновался в Технионе на Шапире – специальной стипендии для ученых-репатриантов (по мне, так эмигрантов), а потом от тоски и отчаяния надолго вернулся в родную Алма-Ату (теперь так, увы, не говорят и не пишут), где с трудом нашел применение своим силам за приемлемую зарплату, откуда спустя десять лет вернулся в Израиль практически в то же состояние. Хотя нет, уезжал пятидесяти-, вернулся шестидесятилетним. Юра также несколько лет отработал на Шапире в Технионе, а дальше круто свернул на боевую тропу частного предпринимательства. Сейчас у него небольшое устойчивое ювелирное производство в центральной части рабоче-крестьянской «красной» Хайфы. Встречаемся мы редко, хотя и живем в двадцати минутах ходьбы или езды (пять на езд, пятнадцать на поиск места для парковки), иногда перезваниваемся и обмениваемся текущими взглядами на жизнь.

Итак, позвонил Юра: «Слушай, мой мифаль ты знаешь». Мифаль – завод, так он с привычной усмешкой, но, я иногда думаю, и с гордостью, называет свою мастерскую на улице Нордау, где занимается литьем золотых и серебряных украшений секулярного и религиозного содержания. –«Есть здесь Лариса, у нее парикмахерская по соседству. Между прочим, молодец, девка (девка для нас с

Юрой сегодня – это диапазон, думаю, от сорока пяти до семидесяти. Буду в тех краях, взгляну). С нуля поднялась и сейчас нарасхват. Так вот, Лариса вчера поделилась. Сейчас расскажу. Знаешь, круг замкнулся наконец».

-«Какой круг?»

-«Да сложилось всё в голове, стало на свои места. Вот прямо сейчас», - слышно было, как он затянулся сигаретой, как делал это всегда, сколько я его помню, перед тем, как начать рассказывать что-то.

-«Есть здесь один эмигрант из Харькова, с Украины...»,

-«Из Украины»,

-«Ну да. Большой толстый еврей. Володя, Вован. Такой, знаешь... бизнесмен. За пятьдесят хорошо. Дома, говорит, был бизнес, знакомства, пинком дверь городского головы открывал...».

-«А что сюда-то занесло тогда?»

-«Отжали, говорит, бизнес. Да, слушай, здесь таких бизнесменов половина Адара». Адар – это район Хайфы, ядром которого является центральный городской рынок. -«Ролекс у него китайский за сотню шекелей, сигареты стреляет постоянно, хотя для шика покупает иногда штучные в соседней табачной лавке, там продают. Время от времени приносит сало или колбасу, это ему присылают по случаю с родины кило по пять-десять. Если берут, продает в русский магазин. Если нет, думаю, харчится сам понемногу».

-«Да, ещё у Володи есть приятель, Семен. Эмигрировал из России, из Питера. Образ жизни примерно тот же, происхождение, возраст... Только посубтильнее. Тоже каким-то мелким бизнесом пытается заниматься. С тем же успехом. Да и сам понимаешь, какой здесь бизнес? На рынке арабам фрукты-овощи разгружать? Так там своих хватает. До последнего времени Володя и Семен были не разлей вода. Сейчас, после Майдана, понятно, смотрят друг на друга косо. Хотя общаются, конечно. А с кем здесь ещё общаться?»

-«Так вот, вчера Володя заглянул к Ларисе поговорить за жизнь. Жена у него улетела домой, на Украину... в Украину. Погостить. На две недели. И оставила ему пару тысяч шекелей на хозяйство. Вот он и зашел посоветоваться, как бы ими получше распорядится. Вложить, может быть».

-«Смешно. И что?»

-«Поговорили, туда-сюда... Сигаретой он её, между прочим, угостил. Мальборо. Из новой пачки. На тридцать шекелей распорядился уже. В это время подошел Семен, и решили они пойти вдвоем попить пока пивка, обмозговать всё

как следует. На другом конце Нордау есть как раз подходящая пивная», - слышно было, как Юра усмехнулся, немного промолчал, видимо, придушил остаток сигареты в пепельнице.

-«Так вот, было это вчера, где-то после обеда. Остальное Ларисе рассказал Семен сегодня утром. Пришел, говорит, весь взъерошенный и помятый. С фингалом под глазом. И рассказал...»

Присели они за столик в углу. Взяли по пиву с сухками. Потом ещё. Угощал Володя, он был при деньгах в этот раз. От бизнеса разговор естественным образом перешел на политику, а политика – она сегодня известно где: Россия-Украина. Точки зрения на события у собеседников, как уже было сказано, не совпадали. Слово за слово, беседа переросла в диспут, потом в спор и крик: «Вы у нас Крым забрали!? Скоммуниздили, блин! Своей земли мало?! Там порядок наведите сначала!..»

-«Крым – он был, есть и будет наш! И нефиг было ушами хлопать!»

-«А Донбасс?! Злодюга!!! Да я тебя за это!..»

Дело быстро двигалось к выяснению отношений по-мужски.

В другом углу маленького зала сидели за пивом несколько мужиков за неспешной, насколько это вообще возможно в Израиле, беседой по-русски и прислушивались к происходящему. Потом один из них встал, подошел к столику наших приятелей и без раздумья – видимо, подумал загодя – нанес увесистый хук Вовану в скулу. Тот через спинку стула тяжело рухнул на пол. Мужик быстро взглянул на опешившего Семена: «Это ему за нас, за Россию, браток», - и повернулся к Володе, пытавшемуся встать с пола. В это время Семен пришел в себя, встал со стула, шагнул к мужику и Володе и, как мог, дотянулся неумелым джебом до челюсти мужика. Его приятели встали из-за столика. Удалось, наконец, подняться и Володе...

Полицейский наряд подъехал быстро. Быстро составили первичный протокол, записали претензии хозяина по поводу поврежденной мебели и побитой посуды, оценили на глаз телесные повреждения, решили, что парамедиков можно не вызывать, сгрузили всех в два воронка и отвезли в расположенное неподалеку отделение.

Лариса излагала обстоятельно, но без длиннот, так что, картина получилась вполне красочная и понятная.

Семен рассказал всё это, потом вспомнил что-то и спросил: «Володя не появлялся?»

-«А вы что, там не вместе были?»

-«Не. Там всех по одному заводили, а потом по одному в разные камеры рассаживали. До утра. Ладно, пойду. Нужно разобраться», - он достал из кармана начатую и притушенную сигарету, закурил и пошел по Нордау в сторону то ли полицейского отделения, то ли пивной, куда-то туда.

А через полчаса появился Володя. Был он изрядно несвеж, выглядел потерянным. Подошел к парикмахерской Ларисы, сел на скамеечку у входа, достал новенькую пачку Кэмел, закурил.

-«Семен был?».

-«Был недавно. Рассказал, но без подробностей. Ушел. Тебя искать, наверно. Давай, рассказывай».

-«А что рассказывать? Привезли. Допросили...»

- «Опросили»,

-«Какая разница? Я всё рассказал, как есть... Как мог. Иврит-то у меня, сами знаете. Еще когда в пивной нас всех повязали, я так понял, что нам разжигание межнациональной розни шьют. Это года на три, я думаю. Попили пивка, блин! Страшно ведь. Короче говоря, потом затолкали в обезьянник. А там одни арабы».

-«Да ты что?! Это же!..»

-«Я так и подумал: прессуют, волчары. Сел в уголок, сижу. Долго сидел. Потом подошел ко мне один арабский хлопец, расспросил, что да как. Я рассказал. У них там один араб по-русски говорил, не то что эти менты. Не знаю, что они поняли, но поулыбались, пожалели. Когда нас утром всех на выход кликнули, полстакана водки налили да пачку сигарет вот дали на прощанье», - он закурил еще одну Кэмел и встал со скамейки, -«Пойду. Семена нужно поискать. Да и платить придется...»

-«Много задолжал?»

-«Пока четыреста шекелей набежало, зуб вот оценили...», - он пальцем приподнял губу и показал свежую прореху между зубами. -«А потом жена еще вернется...»

-«Ну, как тебе сюжет?! А ты спрашиваешь, какой круг замкнулся. Да всё замкнулось! В голове концы с концами сошлись: и кто мы здесь, и что мы здесь, и что из этого получается. Двадцать с лишним лет понадобилось».

Искренне благодарю редакцию газеты «Алексинские вести», в двух октябрьских (2018) номерах которой впервые опубликован этот материал.

Плацкарта оттуда-туда. Действительно до...

*Светлой памяти моих родителей.
На память моим детям и внукам.*

*Сегодняшнее сегодня — это
вчерашнее завтра и завтрашнее вчера
(Народная мудрость. WWW)*

Года три назад любознательный генератор случайных вопросов Фейсбук спросил меня, где бы я хотел ещё побывать. Единственно возможный ответ сформулировался сам собой: Там, где было хорошо: в детстве. Увы, увы... А остальное не интересно.

Я был уверен, что это «Увы, увы» бесповоротно. Жизнь, однако, оказалась не такой линейной как время, в котором она протекает. Случайные события, маленькие и большие, необъяснимым образом взаимодействуя друг с другом, вдруг приоткрыли для меня на короткий миг дверцу в светлый мир детства, счастливого детства. Но обо всём по порядку.

Мой отец, кадровый военный, около десяти лет назад, увы, покинувший этот мир, в своей книге «Мои записки» писал: *«Родившись в Одессе, да еще на Молдаванке, я уже одним этим получил право называться одесситом, а вместе с этим и правом гордиться Одессой, которая «не город, а невеста»... и «нет в мире краше места», и «красавица Одесса» и много-много других эпитетов и все в превосходной степени. И то, что там жил Пушкин, и там писали Э.Багрицкий, Ильф и Петров, В.Катаев... И что из Одессы вышли Леонид Утесов и Марк Бернес, Михаил Жванецкий и маршал Малиновский, памятник которому стоит у оперного театра. Даже купринская пивная «Гамбринус» стоит в Одессе на Дерибасовской... И блатная песня «С одесского кичмана» тоже там родилась. И даже бандит, начальник контрразведки батьки Махно (а потом и чекист /см. Википедия/, Ю.Б.), Лева Задов, тоже одессит. Как сказал Михаил Жванецкий: «Каждый хотел бы родиться в Одессе, но не у каждого это получается»... Все это можно долго и интересно продолжать, но... вырос-то я в Алексине, куда мы с мамой переехали после смерти отца в 1926 или 27 году. Я за свою жизнь изъездил, как говорят, полсвета - от Эльбы на западе до Тихого океана на востоке, от Петсамо на севере до Кушки на юге. Побывал во многих*

странах и почти во всех союзных республиках СССР. Вот сейчас судьба занесла меня на Ближний Восток. Я видел Заполярье и пустыни, среднерусские места и карельские озера, тайгу и Памир и опять-таки - красавицу Одессу. И вот, отдавая дань уважения и низко кланяясь Одессе, я считаю лучшим местом на земле маленький подмосковный городок Алексин. Я понимаю, что Алексин и Одесса - несравнимые понятия, у них просто разные «весовые категории». Но в Одессе я был совсем маленьким ребенком, а за несколько коротких посещений хотя и восторженным, но гостем. А Алексин мне видится глазами молодого (до 17 лет) и беззаботного человека, а тот, наверно, десяток отпусков, которые я проводил сначала один, потом с Тоней, потом с Тоней и Юрой, а потом и с Витей (служил я в это время на севере), только углубили мои знания и любовь к Алексину...».

Я думаю, можно понять ощущения маленького мальчика, долгую северную зиму дожидавшегося долгожданного «отпуска» и попадавшего из привычного холодного Заполярья в солнечное счастье, где несет свои воды волшебная река, где тихо покачивают в вышине ветвями стройные сосны, роняя иногда на землю то пару длинных клейких иголок, то раскрытую шишку, отпустившую свои семена творить новую жизнь, где любящие бабушка и дедушка не чают души в своём «золотце». Этот маленький мальчик – я, а это счастье – тихий и светлый город на Оке, Алексин.

Последний раз был я здесь в шестьдесят первом году, пятьдесят семь лет тому назад. Пятьдесят семь! Это значит, мне было двенадцать. Славный возраст: всё впереди. Последний раз окунулся я тогда в чудные чуть зеленоватые воды Оки. Последний раз пожал я тогда руку моего хорошего товарища Женьки (Евгения Константиновича) Ефремова. Первый и последний в той жизни раз увидел я только что народившегося его младшего брата Вову (Владимира Константиновича) Ефремова на руках их замечательной мамы тёти Клавы. В последний раз услышал я из уст их замечательного папы дяди Кости (Константина Васильевича) интересные рассказы о здешних краях. Наши отцы дружили с детства, потом дружили семьями и нам, подрастающему поколению, не оставалось ничего другого, как следовать их прекрасному примеру. Что мы и делали.

Всё идёт своим чередом. Прошла целая жизнь. Упокоились с миром мои дедушка и бабушка, мать и отец, дядя Костя и тётя Клава. Каждый оставил свой след на этой земле. Память о каждом сохранилась в фотографиях, документах, эпитафиях и, конечно, в сердцах их близких.

Но вот что написал отец в своих воспоминаниях: *«Кажется, в 1985 году я был в Алексине и конечно сходил на кладбище: Какие-то мерзавцы ударили бутылкой по папиной фотографии на памятной плите (еще осколки бутылки валялись). А в сентябре 97 года Костя мне написал, что отвалилась вся плита с фотографией и надписью. А в этом году написал, что и сам памятник сильно покосился. Наверное это можно и восстановить, но Косте самому близко к восьмидесяти и он часто болеет, а потом для него это неподъемно и в материальном плане. Если дотяну и смогу попасть в Алексин, попытаюсь исправить».*

Позволю себе небольшое отступление. Оно по существу. После того, как я разместил на своем сайте книгу отца, меня разыскал Сергей Горюшкин, на тот момент главный редактор одной из алексинских газет, и попросил разрешения опубликовать выдержки из книги. Разумеется, разрешение последовало немедленно. Глава «Мой Алексин» была опубликована в нескольких номерах его газеты в 2012 году. Сергей Павлович – известный краевед, влюбленный в эту землю, автор серии обстоятельных исторических публикаций об Алексине. Мы с Сергеем познакомились ближе, однажды даже встретились в Израиле, где я живу уже четверть века. Скажу банальность: жизнь – штука очень замысловатая.

Мы периодически переписывались, я с интересом читал на сайте газеты публикации Сергея по истории Алексина, всегда содержательные и скрупулезно выверенные. Однажды весной Сергей прислал мне копию заметки, где упоминался субботник по очистке территории старого кладбища, и, сверх того, фотографию прибранной могилы моего деда. Памятная доска покосилась, кусок плиты был отбит. Всё так, как упоминал отец. Тогда мне запала в душу мысль привести могилу в порядок. Простая здравая мысль. Замкнулось еще одно звено этой семейной саги. Осталось главное – реализовать.

Этим августом собрался я наконец в гости к старшему сыну, москвичу. Он с семьей последние годы неоднократно бывал у меня на Хайфщине. Почему бы и мне?.. Собрался. Обнять возмужавшего сына, услышать сказанное родными устами очаровательной внучки «Дедушка, хочу на шейку» - как от этого удержаться? Никак. Прилетел. Обнял. Поцеловал... Саккумулировал, как мне кажется, силы ещё на один отрезок жизни.

За день до моего отлета домой ранним утром сын сказал: «Поехали в Алексин». И мы поехали. Это километров пятьсот в два конца, поскольку стартовали мы издалека, из уютного дачного поселка, расположенного к северо-востоку от Москвы. Мы уже проехали Железную, когда я скомпоновал «в осях» план действий и осознал, что не представляю, где и как искать могилу деда. Я

забыл название кладбища, а если бы и помнил – найти конкретное захоронение на заброшенном кладбище – дело очень непростое. Сын, человек, привыкший к принятию решений и их реализации, сказал: «Найдём».

Найдём... В моём телефоне хранился номер телефона Сергея Горюшкина, обменялись когда-то. Я не сразу решился набрать номер, было как-то не очень удобно, мы не общались уже года три, если не больше. В конце концов с некоторым сомнением позвонил, выбора не было.

- «Привет, сколько лет, сколько зим! Удивлен, не скрою. Но молодец, что позвонил. Давно не общались».

- «Давно».

Я в нескольких словах объяснил, зачем мы здесь, и попросил описать, как проехать на место. К моей радости, Сергей просто сказал: «Подъезжай к старому Троицкому кладбищу. Буду ждать у входа».

Когда мы подъехали, Сергей ждал у невысокой старенькой оштукатуренной кирпичной арки при входе на кладбище. Судя по всему, за несколько последних лет мы с ним не очень изменились: я увидел его таким, как ожидал. Он, я думаю, тоже. Да и что уже может измениться? Разве что... Бли аин а-ра, что в вольном переводе с иврита означает «чтоб не сглазить» или проще - тьфу-тьфу.

Мы не сразу отыскивали в тени густых высоких деревьев ржавую оградку когда-то, наверно, голубого цвета, увидели внутри оградки неровную бетонную окантовку по периметру могилы с покосившейся бетонной же стелой и отслоившейся от неё светлой мраморной плитой с плохо различимым текстом и выцветшим от времени керамическим портретом моего деда. Вот я и встретил тебя, родной мой деда Володя. Это я, твой внук, немолодой усталый человек. А со мной твой правнук. Жизнь продолжается.

С помощью Сергея нашли мы поблизости специалистов и договорились, что те приведут могилу в порядок. Надеюсь, так и будет. Сын проконтролирует.

Все эти хлопоты, связанные с целью нашего приезда, заняли минут тридцать-сорок. Я, понятно, расчувствовался и предался воспоминаниям детства: маленький деревянный дом в ряду таких же домов на окраине, грунтовая дорожка-улица, по которой никогда ничто не ездило, большая зелёная лужайка — прекрасное место для футбольных баталий, лапты и чижика, сразу за этой лужайкой неглубокий овраг, а за оврагом бор — сосны, сосны, сосны, — поросший по низу кустами орешника. Если долго идти от дома через бор, то в конце концов выходишь к Оке на песчаный пляж — самое интересное в мире место для маленького мальчика с далекого севера

У входа. С Сергеем Горюшкиным

Что-то из этого я, наверно, произнес вслух, потому что Сергей вдруг сказал: «Это десять минут отсюда. Сейчас найдем», - он набрал номер:

- «Володя, здравствуй. Ты дома? Десять минут есть? Тут земляк издалека приехал, я тебе говорил сегодня. Хочет найти дом своих дедов или то, что от него осталось. Или место, где этот дом стоял. Он помнит, что дом был недалеко от больничного городка, что напротив дома был бор, а дом твоих родителей был домов через десять вдоль этой улицы. Пионерский переулок он тоже помнит. Поможем?»

Через десять минут мы подъехали к дому на углу Санаторной и Пионерского переулков. Навстречу нам вышел плотный мужчина, лицом удивительно похожий на дядю Костю, Владимир Константинович Ефремов, Вова. Мы обнялись, два очень немолодых мужика.

- «А Женя скончался полгода назад»,

- «Да, мне Сергей сказал. Поклонись ему от меня. Светлая ему память. Светлая память нашему детству. Поклонись дяде Косте и тётке Клавье».

Мы проехали еще метров сто и остановились.

- «Вот он, - Володя показал на старенькое покосившееся строение, расположенное за высоким забором между двумя справными особняками, - видимо, используют теперь как подсобку».

Я молча всматривался в едва видневшийся из-за высокого забора и наглухо закрытых металлических ворот, поросших высоченной полынью и лопухами, маленький дом, обшитый когда-то дранкой или чем-то похожим на дранку. Старый, покосившийся. Но живой и несущий какую-то простую службу. Это было так неожиданно. До всхлипа.

- «Он. Кровля, точно... И наличники. Только они голубые были. А дом, по моему, белый... Или нет. Не уверен. И ворота, ворота деревянные были. Здесь мы с дедом по вечерам папу с мамой из кино ждали. Молодые, весёлые, счастливые... Спасибо, Володя. Спасибо, Сергей».- «Смотри, сын. И твои корни отсюда»...

...Мы обнялись и попрощались с Владимиром и Сергеем. Сергей подписал нам с сыном на память по две свои книги об Алексине. Хороший дорогой подарок.

Не знаю, вернусь ли я когда-нибудь сюда. Хотелось бы. Но, во-первых, возраст уже такой, что в двузвенной аксиоме «Человек предполагает, а Бог располагает», второе звено становится всё более весомым, а, во-вторых, всякая попытка вернуться в прошлое обречена на неудачу. Кажется, с этого я и начал свой рассказ. Но... кто знает... Жизнь – штука очень замысловатая. Повторяюсь, однако.

Тот самый дом. С Владимиром Ефремовым

Мои родители в беседке этого дома. 50-е годы

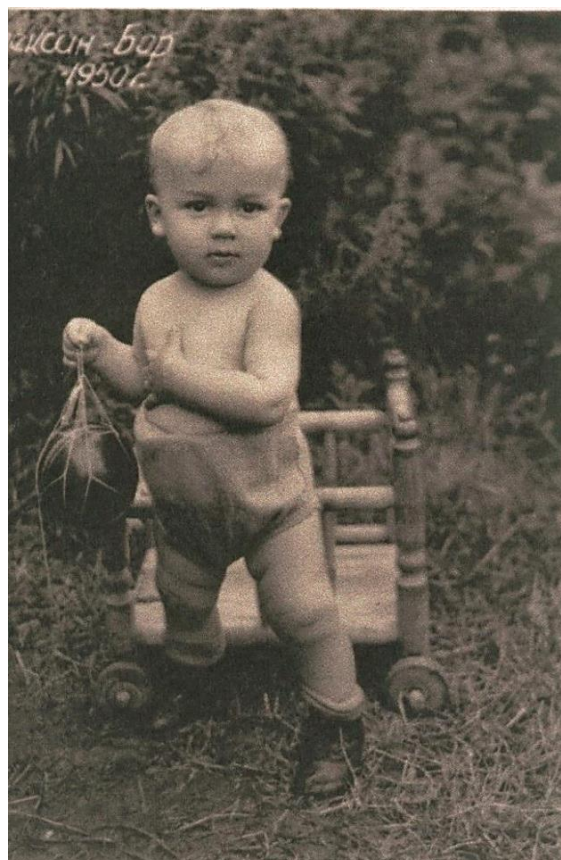
Дедушка и бабушка

Алексин. Ока. Всё семейство и мой друг Женька. 1961

С отцом. Алексин. Наверно, 52-53-й

«Алексин-Бор. 1950» - надпись на фотографии сверху слева

P.S.: Уже позже я с горечью осознал, что мне не с кем поделиться своими переживаниями. Не осталось никого, кто поймет и почувствует то же, что и я. Нет, рассказать-то, конечно, можно. Необходимо. Я расскажу. Папе расскажу. Это недалеко, здесь, рядом. Верю, что услышит. Но не ответит. Никогда. Никогда. Я последний. Брат Виктор был здесь однажды в младенчестве. Не знаю, оставило ли это в его душе такой же след, как в моей. Дело очень личное. Но так хочется поделиться! Увы, не с кем. Ладно, неисполнимое не исполнимо. Но ведь есть кому передать по наследству. Мужают сыновья. Подрастают внуки. Пусть у них будет родная точка на карте. Это немало.

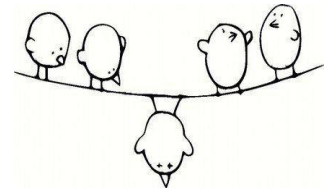
2018 г.

P.P.S.: Конец августа 2019. Мы это сделали! Привели в порядок могилу деда и поставили новую стелу. Спасибо, сын. Мужчина сказал – мужчина сделал.

P.P.P.S.: Ноябрь 2021. Позвонил Сергей Горюшкин: Скончался Володя Ефремов. Светлая память. Светлая память нашему детству.

BE UNIQUE

(Из сборника «Хроники ПМЖ»)

Причинно-следственная петля — повторяющаяся последовательность событий, являющихся взаимной причиной друг друга

(Общепринятая формулировка)

Я вышел прогуляться. Чтобы оказаться на тротуаре улицы Лавровой, нужно пройти метров тридцать от моего дома по асфальтированной дорожке, проложенной по натуральному травяному газону - это, увы, выходит из употребления и всё чаще подменяется ярко-зеленым синтетическим покрытием - между двумя рядами натуральных же кустов, время от времени подстригаемых приходящим садовником. Кусты эти то ли из-за регулярной обработки, то ли в силу их природы обладают прочностью противотанковых ежей и абсолютно непроходимы. Однажды я убедился в этом, паркуясь впотьмах задним ходом в обычной здесь стояночной тесноте и поздно среагировав на тревожный писк парктроника. Мой Фокус въехал задним бампером в сплошную стену этих кустов, кусты воспротивились и на протяжении пятнадцати-двадцати сантиметров остановили увесистый автомобиль, а затем вытолкнули нас обратно на то же расстояние раньше, чем я успел тронуть тормозную педаль. Но это так, к слову. Настроен я был позитивно: ничего плохого сегодня пока не случилось и, вроде, не предвиделось.

Когда я подошел к концу дорожки и собрался уже повернуть направо, слева навстречу мне появились два маленьких мальчика лет наверно четырех-четырёх с половиной. Я не очень хорошо разбираюсь в детских возрастах. Это связано еще и с тем, что мой старший сын рос в Союзе, а младший здесь, в Израиле. Разница в детских возрастных типажах здесь и там разительна, поэтому я потерял ощущение детского возраста и махнул на это рукой: ошибусь – поправят.

Кто видел картины мифологического содержания от старых мастеров, наверняка обратил внимание на детей-ангелов. Не так давно я прочитал где-то, что старые мастера просто не умели писать детей. Это довольно сомнительная, на мой взгляд, версия. Всё остальное-то они писали вполне профессионально, откуда же такой пробел в мастерстве? Впрочем, я не искусствовед. Так вот, у всех

детей-ангелов на тех картинах очень детское телосложение и абсолютно взрослый взгляд. Строгий по-взрослому, грустный или тоскливый по-взрослому, а среди обнаженных натурщиц сосредоточенный по-взрослому. Это моё восприятие. Не навязываю, но предлагаю всмотреться. Здешние дети здорово похожи на этих ангелов.

Мальчики беседовали между собой о чем-то детском. Тот, что шел первым, поднял на меня серьезный взгляд и чуть заметно кивнул.

Я отреагировал: «Шалом».

Он улыбнулся губами, глаза оставались такими же серьезными: «Ата закен (ты старый)». Второй подтвердил это кивком головы.

Я слегка опешил. Я люблю детей, а кто любит, исподволь рассчитывает на взаимность. Мальчики стояли и, как мне казалось, ожидали моей реакции. Всё происходило быстро, на протяжении нескольких секунд. Ну да, я не молод. Но выгляжу, уверен, вполне ещё ремонтпригодным. Вес держу, гантели таскаю, по выходным, а их у меня два в неделю, по полусотне с гаком километров на велосипеде проезжаю. Раньше, правда, мог и по сотне-полторы... С другой стороны, конечно...

-«Кен, ани ёдеа (да, я знаю)», - отреагировал я после небольшой заминки.

Серьезность в глазах первого мальчика сменилась удивлением и, мне показалось, обидой.

-«В ата лё яфэ (и ты некрасивый)», - без вызова, просто констатируя, сказал он и так же серьезно посмотрел на меня.

Первая моя реакция была - возразить. Мало ли что думает обо мне какой-то маленький неврастеник. Поганец! Я-то знаю. Я помню! Всплыла в памяти замечательная фраза усталого, давно облысевшего низкорослого пожилого клоуна из старого рассказа: «В детстве я был высоким голубоглазым блондином». Нет, не оценит. Какое-то у него своё направление мысли. Здесь это у всех. Нам, бывшим красавцам-блондинам, не понять.

-«Ани хошев ше ата цодек (я думаю, что ты прав)», - строго глядя в его строгие глаза, сказал я.

Мальчик, похоже, расстроился. Окончательно. Что-то у него пошло не так, не сложилось.

-«Нилех (пошли)», - потянул он за руку своего приятеля, и мальчики направились куда-то по своим делам.

Я тоже пошел дальше. Моё настроение, естественно, поменялось. Нет, не ухудшилось, правда - есть правда. Я просто был озадачен, озадачен тем, что же хотел сообщить мне этот маленький ангел, сошедший на тротуар Лавровой улицы с картины какого-то старого мастера, не умевшего писать детские лица.

Ну да, чужая душа потёмки. Ребёнок не может чувствовать и понимать того, что чувствует и понимает взрослый человек, это ясно. Но ведь и детская душа недоступна взрослому пониманию: взрослый человек раб стереотипов, от которых ребенок ещё свободен. А всё-таки? Что же он хотел сообщить? Можно попробовать построить версию, в которой удалось бы свести концы с концами. Почему не попытаться? Итак, версия...

...Наступает Йом Кипур. Буквально-дословно – День Всепрощения. В привычном большинстве прочтении – Судный День. Не перестаю удивляться, как много из того, что казалось там, дома, тревожно-мистическим, обретает здесь абсолютно будничное воплощение. День этот, как и всё в лунном календаре, начинается сегодня вечером и заканчивается вечером завтра.

Йом Кипур - это праздник. Но не для веселья. Просто свободный от мирских забот день. Стандартное пожелание друг другу в этот праздник звучит так: Цом каль в гмар хатима това - Легкого поста и хорошего закрытия годового баланса. Баланса, надо полагать, в Книге Жизней и Судеб (если, конечно, это одна книга). Эта половина пожелания хорошо знакома и близка бухгалтерам и финансистам.

Неформальное название – «День велосипедиста». В этот день - не по закону, а по традиции - весь транспорт в стране на приколе, кроме, разумеется, спецтранспорта, и улицы заполнены велосипедистами - детьми и взрослыми.

Съездил и я назавтра в кощеево моё место, в Рош Никра. Четверка - шоссе номер четыре - было совсем пустынное, без автомобилей, да и велосипедистов на дороге было не очень много. Доехал до конца, до пограничного перехода на гребне, по которому проходит если не граница, то израильский край погранзоны с Ливаном. В общем, дальше Ливан. Но сейчас не об этом.

Откатав обычные для субботы шестьдесят с небольшим километров и въехав в свой городок, я обнаружил на его улицах множество велосипедистов, взрослых и детей, как и полагается в этот день. И вот, взглядевшись в этот броуновский велосипедный мир, я наконец сформулировал для себя, в чем она, эта особенность, которая, по-моему, хорошо объясняет многое из того, что и как происходит с этим народом.

Все велосипедисты прокладывали свои маршруты не там, где положено, можно или удобно, а там, где в обычной жизни ездить нельзя, где негласно разрешено только в этот день: зигзагами, по встречной полосе, поперек движения и на красный свет – светофоры в автоматическом режиме работали, как обычно. И это не случайность. Это менталитет - дух противоречия и активное эго.

Давным-давно смотрел я на широком экране фильм, думаю, американский. Название выпало из памяти. Начало прошлого века. Авиаперелет-соревнование. Техника – что-то стрекочущее фанерно-перкалевое. Персонажи – знакомые по анекдотам типажи: немец-педант, рубаха-парень американец, выручающий всех в трудную минуту, элегантный и галантный француз, сосредоточенный и загадочный японец... И был там еще один участник, еврей. Откуда он, я не помню. Одно наверняка, не израильтянин. Не было тогда такого государства. ...Дан старт. Все взлетают и с проблемами и приключениями летят на запад. А тот еврей один-одинешенек взлетает и летит в противоположном направлении, на восток. Тогда это было просто забавно. Теперь сложилось в более-менее логичную картину.

И что из этого следует? А то, что мы видим вокруг себя. Эти люди настроены и готовы - надо-не надо - заявить о себе: Вот он я! Я!! В личном общении это-таки досаждаст. Спорить с этими людьми – себе дороже. По любому вопросу у них есть собственное мнение, обоснованное в меру разумения носителя этого мнения.

Итак... Нет, для умозаключения, пожалуй, рано. Есть ведь и другая сторона у этой непростой медали. Посмотрите на израильское сельское хозяйство, промышленность, экономику в целом. Посмотрите на динамику развития страны, оцените, что почти четверть мировых инноваций родились здесь... Итак... Нет, рано...

Когда-то я купил младшему сыну в подарок футболку с рисунком: во всю грудь справа налево строем идут черные пингвины. Их много. Но есть один, который обернулся. Он такой же черный и клювастый, но у него лохматые огненно-рыжие волосы и широко открытые глаза, смотрящие в другую сторону, не туда, куда все. И подпись под строем: Be unique.

Be unique – вот основа здешнего менталитета.

Полагаю, поведение мальчика – это эмбрион того самого менталитета. На генетическом уровне. Цыплёнок стучит хрупким клювиком в скорлупу изнутри не потому, что кто-то подсказал ему: Стучи. Нет. Он заранее знает,

что на волю нельзя просто выйти, туда нужно вырваться. И доказать. Он и вырывается. Лишь бы сразу не схарчили...

Как по-другому может самоутвердиться этот мальчик? Никак. Нет у него никаких унаследованных или тем более приобретенных достоинств, которые он мог бы предъявить оппоненту в качестве аргумента «Я лучше». И он, следуя инстинкту, находит, нащупывает аргументы «Ты хуже». И готов оспорить возражения. У него не возникает вопроса, а нужно ли предъявлять эти аргументы, нужны ли эти аргументы вообще. При этом, я знаю, он ничего не имеет против меня лично, я для него одноразовый объект сравнения. Ещё один удар клювиком к свободе, туда, где он лучший. А все остальные, соответственно, худшие. Инстинкт *Be unique* — он врожденный. По Дарвину ли, по Заветам ли - кто знает... Хорошо это или плохо? Вопрос неправомочный. Ма еш - Имеем то, что имеем.

Одна девятая

(Из сборника «Доцентские хроники»)

Посвящено юности Хозяйки, последней молодости Хозяина и памяти кота Константина.

- «А правда, что нам даны девять жизней?»

- «Даны-то даны, да как прожить их достойно, вот вопрос».

(Подслушанный разговор)

Меня зовут Константин. Не какой-то там замухрышка Мурзик. Хозяйка где-то прочитала, а может, ей подсказали, что в имени кота должно слышаться «с-с-с». Вот и дворового пёсика своей бабушки, в щенячестве Тузика, она звала Реко. Р-р-реко с ударением на «о». Тузик, слыша о себе такое, живо колотил хвостом по грязным лохматым бокам и весело лаял. Хорошо, что Хозяйка не математик. Был бы я Косинус или Мантисс, хе... Так много красивых имен! Вчера вот по телевизору слышал чудесное имя Асисяй – так все радовались! И Хозяйка тоже. Эх!.. А на Константина, по-моему, должна бы откликаться соседская лестница-стремянка. Она негромко скрипит, когда её раздвигают в голенастого монстрика, и хрустит и побряхтывает под соседом, когда тот взбирается на предпоследнюю ступеньку, чтобы вбить гвоздь. Ладно уж, Константин так Константин, не менять же. Все мы в чём-то константины...

...Котик за кошечкой шёл на чердак,

котик попить-погулять не дурак...

Да и за константином обычно сразу следует «кс-с-с...» и тогда можно, не теряя лица, отозваться голосом или жестом. Возраст – год. Окрас бело-чёрный. В другой раз сказал бы: замечательный бело-чёрный, но мысли сейчас заняты не этим. Я прилёг на узком наружном карнизе балкона. Пятый этаж. Балкон просторный и почти пустой. Наверное потому, что квартира не принадлежит Хозяйке, они с Хозяином её снимают. Вот соседский балкон хорошо заполнен разными вещами: старая мебель, коробки, пакеты, кастрюли, стремянка Константин на гвозде, косо вбитом в грязно-розовый ракушечник стены. А мысли мои заняты вот чем: как дальше жить?

Хозяйка купила меня на городском вещевом рынке, проще – на барахолке. Я был совсем маленький и, видимо, приглянулся ей. Стройная русоволосая

сероглазая девушка взяла меня на руки и расплакалась. Она тихо плакала всю дорогу, пока мы ехали на маршрутке домой. Слёзы капали и капали мне на уши и нос, и там, куда доставал мой язык, было мокро и солёно. А на её коленях было тепло и уютно.

Хозяин посмотрел на неё, на меня, снова на неё и спросил: «А что джинсы?»

Она прошептала сквозь слёзы: «Подошли двое в толпе, сжали с двух сторон, деньги забрали и ушли».

- «Суки... Что ж ты?.. Ладно, заработаем. А это что?» - он кивнул на меня.

Я почувствовал опасность.

- «Константин».

- «Интересно. И кто будет этим заниматься? Я точно не буду».

Опасность нарастала.

- «Я сама буду, не беспокойся. И, пожалуйста, не ругай меня. Мне было так плохо!..»

Стало немного спокойнее.

- «Ругай-не ругай, что толку? Ни джинсов, ни квартиры, ни нормальной семьи... Пожалела бы. Живое ведь существо».

Так я стал третьим в не очень понятной компании Хозяйки и Хозяина. И ещё во мне поселилась тревога.

Что любит кот? Чтобы его уважали, чтобы было покойно в семье, чтобы с ним делились кровом и трапезой, чтобы двери в комнатах не закрывались, ну и было бы укромное место где-нибудь повыше, откуда можно наблюдать жизнь. Если этого нет, коту бывает плохо...

*...Котик из шкафа сметанку достал,
праздновать стал да в немилость попал...*

...Ну а если коту плохо, плохо всем.

Хозяйке двадцать один год, она студентка. Родители расстались давно. Неустроенные молодые люди без жизненного опыта и образования поженились вопреки воле старших. Жили где придётся и как придётся. Потом он сходил в армию. Вернулся. Родилась девочка, которой порой казалось, что родителям не до нее. Отец не очень активно искал себя. Мать тосковала и мечтала о другой жизни. Расстались, когда девочке было шесть лет. Мать вышла замуж и уехала к далёкому Байкалу, отец тоже обзавёлся новой семьёй. Выпивал, болел. Девочка

осталась на руках бабушки и дедушки и бессемейной и бездетной тётки, старшей сестры отца.

Узкая тупиковая зелёная улочка на окраине города. Маленький шпальный дом, огород в четыре сотки с несколькими яблонями и грушами, куст сирени в палисаднике, развесистый грецкий орех у калитки. Одна его ветка накрыла пустой металлический гараж и большой кривобокий угольный ящик, другая тяжело легла на крышу дома. Её нужно бы давно спилить, но зимой скользко и холодно, а летом просто жалко мощную в крупных красивых листьях ветку. За огородом широкий зелёный лог с заиленной речушкой, явно намеревающейся превратиться понемногу в болото. По вечерам с лога допоздна слышны чудные завораживающие стоны лягушек. Издалека доносятся тепловозные гудки. Если посмотреть наверх, видны чуть заметно подрагивающие звёзды на тёмном безлунном небе. Соседи за серыми разномастными заборами. Маленькая, на двоих, баня во дворе, которую жарко топят по субботам. По будням школа с её небольшими интригами, подружки с их давно знакомыми секретами шепотом, привычные мальчишки-одноклассники.

Девочка читала книги. Много книг. В них была настоящая жизнь, интересная и увлекательная. Женщины там были красивыми, нежными и преданными. Мужчины – сильными и надёжными. Юность была стремительна и прекрасна, молодость устремлена в будущее и готова к свершениям, зрелость уверена в себе и состоятельна, старость спокойна и мудра. Цели в той настоящей жизни были высоки и сияющи, подступы к ним круты и тернисты. Но все трудности преодолевались, а тернии сметались достойными и сильными людьми.

Растили и воспитывали её бабушка, дедушка и тетка. Характеры и взгляды на воспитание ребенка у старших были разные. Такое часто случается даже с родителями, что уж говорить о бабушке, дедушке и тетке. Девочка была упорна в учёбе и упряма в жизни. То, что было написано в книгах, мало походило на то, что она видела вокруг. Жили они вполне прилично, все хорошо работали, девочка ни в чем особенно не нуждалась. Вот только с бабушкой время от времени возникали трения.

- «Сначала по дому прибери, потом иди к подружке своей».
- «Допоздна не гуляй».
- «Не надевай на улицу новое платье, замараешь».

Ну да, это же бабушка. А девочке хотелось видеть рядом с собой папу и маму. Папу и маму, которые любят её, любят друг друга, которые пойдут с ней в кино, которым можно рассказать, что сегодня в садике её поругала

воспитательница, а мальчик, который просто играл в сторонке, вдруг заступился за неё, папа и мама, которые перед праздником украсят вместе с ней ёлку, а утром под ёлкой будет замечательный подарок, папа и мама, которые заплетут ей косички и вплетут в них красивые ленты, которые возьмут её на руки, погладят её по мягким русым волосам, папа и мама, которые когда-нибудь подарят ей сестру или брата... Вместо этого была конечно же любящая, но всегда, как ей казалось, чем-то недовольная и чего-то требующая бабушка.

Девочка, что могла, делала по-своему, остальное - как требуют взрослые, но в ней появилось и крепло желание вырваться отсюда далеко-далеко, в настоящую жизнь. Нет, тирании не было, но и понимания не хватало. Понемногу научилась она не всем делиться с бабушкой: что-то расскажет, что-то нет. Всё равно не поймёт. Как ей объяснишь, что так хочется посидеть одной под деревом и помечтать. Ну и что, что уже два часа? Ну и что, что не откликаюсь? Не хочу. «А я маленькая бяка, а я маленькая дрянь», - упрямо звучала внутри песенка из забавного мультфильма. Она очень любила деда, который был для неё олицетворением настоящего мужчины, сильным, весёлым и приветливым. Дед работал в депо, кормил семью. Соседи, друзья, знакомые и сослуживцы - все уважали его. И главное, он любил, понимал и принимал внучку такой, какая она есть.

А потом пришла беда. Дед, усталый, возвращался на велосипеде домой и попал под грузовик. Скорая, как это случается, приехала поздно, спасти деда не удалось. Бабушка всегда надёжно чувствовала себя за спиной мужа. Теперь беда прижала её к земле, и она растерялась. Конечно, большую часть забот по дому взяла на себя тётка, старшая сестра отца. Своих детей у тетки не было, семьи, в основном, тоже. Она активно и властно занялась воспитанием племянницы. Геологиня, женщина крепкого нрава, работающая, она всегда знала, что и как нужно делать. Но девочка тоже знала это, причём, то, что знала она, не было похоже на то, что знала и предлагала ей тётка. Девочка любила тётку, побаивалась, а порой, как ей казалось, ненавидела её. Так бывает. Иногда тётка приводила в гости своих подруг, таких же геологинь, как она сама. Это были жизнерадостные и доброжелательные женщины. Они хорошо помогали по дому, иногда чуть-чуть выпивали и временами оставались в доме ночевать. Девочка смотрела на них и мечтала поскорее стать самостоятельной, чтобы вот так же, не оглядываясь на бабушку, тётку и кого угодно ещё, самой жить свою жизнь.

К семнадцати девочка превратилась в интересную девушку, успешно окончила школу, поступила в институт. Ни с кем, как осознала позже, особенно не дружила. Были несколько приятельниц, которых она считала подругами и которые считали подругой её. Впрочем люди, а женщины особенно, часто дружат именно

так. Да и что называть дружбой?.. Обычная институтская жизнь: лекции, семинары, зачёты, сессии. Мимолётные увлечения, которые так хочется назвать любовью, но, увы...

Первый год в институте прошёл неинтересно. Вдруг выяснилось, что это совсем не то, о чём мечталось.

- «...Энергетика должна развиваться опережающими темпами, чтобы обеспечить поступательное и непрерывное развитие всей экономики страны...» Бред. Тоска. Пусть она развивается, как хочет. Я-то тут причём? Медицина, психология – это да... Здесь всё так тонко, так деликатно, всё на кончиках пальцев, на интонациях и ощущаемых только ею нюансах... Сессию сдавать не стала, забрала в деканате документы и ушла. Полгода отработала нянечкой в институте экспериментальной хирургии. Боль, кровь, люди, которым нужно помогать и сострадать. Здесь она впервые ощутила, что может заставить себя почувствовать чужие страдания, а может и отстраниться от этого. Пойди дальше всё этим путём, из неё наверняка получился бы превосходный врач.

Жизнь, однако, распорядилась иначе. Домашние сформулировали перспективу так: или возвращайся в институт, где училась, или убирайся из дома.

- «Я в твои годы уже давно в поле работала! - бранилась бабушка. - А ты, здоровая девка, учиться не хочешь, работать не хочешь, как жить собираешься?!»

Тётка серьёзно смотрела ей в глаза: «Ты понимаешь, что тебе говорят?»

Ей было больно, она понимала лишь то, что выбора у неё нет. И вернулась в институт. На следующий год восстановилась снова на первый курс.

Как легко сломать судьбу! Ты знаешь свою цель, но не имеешь возможности эту цель реализовать, жизнь складывается не так, как ты представляешь себе, ты понимаешь и чувствуешь, что путь, которым идёшь, чужой, твой путь там, в другой стороне. Но ничего изменить не можешь. Нет аргументов, нет сил. Крик, боль, непонимание... Дальше всё может получиться по-разному. Может быть, однажды ты скажешь себе и всем: «Баста!», бросишь всё и начнёшь жизнь сначала, так, как считаешь нужным. Это редкий случай. Чужая колея... Знал, чувствовал великий менестрель! Но скорее всего ты будешь идти и идти дорогой, на которую тебя вынесло когда-то, и в конце концов смиришься. Возможно, ты вдруг откроешь здесь новый мир, в котором интересно жить. Так тоже бывает. А нет – будешь просто тянуть свой возок, хомут будет натирать шею, а ты перестанешь это замечать, в мыслях и мечтах твоих пропадёт полёт, а крылья, которые только-

только начали пробиваться там, за спиной, срастутся в унылый горб. Жизнь прошла мимо...

- «Константи-ин! Кс-с-с-сс...»

Хозяйка. Пришла с занятий. Интересно, что у нас сегодня на обед? Хорошо бы рыбки мелкой. Она иногда приносит украдкой, но Хозяин, если учует запах или увидит чешую, ругается сердито. Сосиски-сардельки... Знали бы вы, что едите. Пожалели бы себя. Живые ведь существа...

*...Котик с утра о колбаске мечтал,
долго мечтал, а потом перестал...*

Ладно, подождёт. Полежу ещё, подумаю.

На втором курсе случилось серьезное событие в жизни Хозяйки: она встретила Хозяина. Девушка сталкивалась с ним в институте и прежде, была издали чуть-чуть заинтересована. Это случается. Доцент, возраст к сорока. Невысокий, спортивный, ироничный. Семейное положение – снова разведён. Увлечён наукой, в общении прост, поглядывает на студенток, студентки проявляют интерес к нему... Трудно понять, что вело её за руку тем апрельским днём, когда она с букетом цветов постучалась в кабинет заведующего кафедрой, где негромко отмечали сорокалетие доцента. Для двоих этот день закончился следующим утром на даче, которую снимал Хозяин. Ночь была бестолковая, пьяная и совсем не такая, как она наверное загадывала. Доцент оказался вполне пьющим, а будучи нетрезв, жаловался на свою не сложившуюся личную жизнь, на то, что жена, которую он любил, ушла, что растёт тринадцатилетний сын, которого он очень любит, но редко видит, что с женщинами проблем нет, а вот подруга, которой он предложил выйти за него замуж, отказала ему, что... В общем, не для романтического свидания темы. А ведь девушка ему нравилась. Давно.

Утром он, восстановив в голове события прошедшей ночи, просто спросил безнадежно: «Ну что? Будем продолжать? Или всё на этом?»

- «Будем».

Пожалела? Или всё-таки?.. Какое-то время они встречались, потом девушка предложила ему перебраться жить к ней в бабушкин дом. Доцент был бездомным, квартира осталась у ушедшей жены. Та самая развалюха-дача без удобств на косогоре, раскладушка поперёк шестиметровой кухни в однокомнатной квартире родителей-пенсионеров, у которых он иногда ночевал, никак не являлись надёжным приютом. Хозяин и Хозяйка стали жить вместе.

Он родился в далёком северном военном городке в семье военнослужащего. Семь школ в разных уголках страны от крайнего севера до крайнего юга, золотая медаль, институт, красный диплом, аспирантура, ассистент, доцент. Любящие интеллигентные родители. Обычная семья армейского офицера. Дальние гарнизоны, частые переезды вслед за переводами и повышениями по службе главы семьи. Мать, историк с университетским образованием, работала от случая к случаю: дневная школа, вечерняя школа; история, русский язык, география, даже астрономия. Отец уходил очень рано, приходил поздно, а иногда и вовсе по телефонному звонку – у всех офицеров стоял в доме полевой телефон в коричневой бакелитовой коробке - хватал «тревожный чемоданчик» и уезжал на несколько дней. У мальчика было ощущение напряжённой жизни вокруг него, но саму эту жизнь он понимал не то чтобы не очень хорошо, а просто по-детски. А вот тепла и родительской любви было много. И очень много книг. В семье была большая библиотека. Мировая и русская классика, проза и поэзия, фантастика, словари, энциклопедии... Библиотека пополнялась как усилиями родителей, так и помимо их воли, поскольку время от времени часть немаленькой северной офицерской зарплаты выдавалась талонами на подписную литературу. Такие были времена.

Жизнь ребёнка в дальнем военном городке не очень насыщена событиями. Одни и те же лица, небольшой круг друзей и недругов – все дети офицеров. Любимые занятия: рыбалка, грибы, морошка и брусника летом, лыжи зимой; своя малокалиберная винтовка, он очень хорошо стрелял. Офицерский сын... Прочитанное неизбежно дополняло и причудливо расцвечивало эту жизнь: юношеская героика Аркадия Гайдара, пронзительная лиричность Рувима Фраермана, прозрачная осенняя свежесть Константина Паустовского, виртуозные технократические изыски ранних Стругацких, болезненная фантазия Александра Грина, осязаемая романтика Майн Рида, неодолимая мощь Алексея Толстого – всё это переплелось с конкретными обстоятельствами и стало частью его жизни.

Мальчик рос подвижным и развитым, учился хорошо и легко. Позже, оглядываясь назад, он с удовлетворением отмечал, что непрерывная смена мест и школ выработала в нём кругозор и умение адаптироваться к обстоятельствам. Он научился сравнивать и оценивать. Когда ему было около восьми, родился брат. Нельзя сказать, что были они не разлей вода, всё-таки разница в возрасте и очень разные характеры, но жили дружно. По мере того, как глава семьи продвигался по службе, отдалённые гарнизоны сменялись посёлками, потом городками, городами, пока наконец семья не осела в большом и красивом южном городе, где отец ушёл в запас в хорошем звании и с хорошей пенсией.

Всё по жизни давалось ему сравнительно легко. Учёба, спорт, увлечения – всё легко, всё успешно. Школу окончил с золотой медалью, а это, как он понимал теперь, было непросто, учитывая сомнительный пятый пункт личного дела. Музыкальная школа, спорт: лыжи, волейбол, хоккей, в студенческой юности крутил педали на хорошем профессиональном уровне. Он был честолюбив, во всём бился за первенство и обычно добивался его. Правда, была у этого и обратная сторона – комплекс отличника. Ну невозможно быть первым во всём! Кто-то лучше тебя играет на гитаре, кто-то лучше дерётся... Кстати, драться мальчик, а потом юноша, не любил и остерегался. Он пробовал силы в боксе, куда его в восьмом классе отвёл школьный учитель физкультуры, разглядев хорошие физические данные, но из этого ничего не вышло. Долго примерялся: бить-не бить, что-то сдерживало его, а когда решался бить, то уже нужно было подниматься с пола. И ещё: первенство было для него интереснее, чем сам предмет. Есть в этом какой-то дефект. Быть первым – что это? Профессия, хобби, болезнь? Вот ты первый, что дальше?.. Лишь техника и все с ней связанное, пожалуй, интересовали его сами по себе.

В семнадцать ему пришлось пережить первое серьёзное поражение, когда он не смог поступить в престижный московский вуз, где в конкурсе было по два золотых медалиста на место, не считая остальных претендентов. Если быть честным перед собой, то не хватило твёрдости характера. Нужно было идти и доказывать вузовским математикам, что предложенное им решение правильное. Но давил авторитет вуза, и он не пошёл.

На душе было мерзко: «Иди, доказывай, ты прав». «Нет, не пойду. Как это? Меня, отличника, умницу, и не хотят?! Пусть вам будет хуже!»

То были первые ростки комплекса неполноценности. Глядя сейчас на себя тогдашнего, он понимал, что не было для этого объективных оснований. Но что-то внутри него было не так. Что? Характер, склад ума, психика?.. В этом он так и не разобрался.

Он легко поступил в институт в родном городе. Студент, аспирант, ассистент, доцент.

Аспирантом женился по любви на младшей сестре своей бывшей однокурсницы, в которую тоже когда-то был влюблён. Начиная с первого класса, он постоянно был влюблён в кого-то. С девятого класса по третий курс института у него была любимая и любящая девушка, всё складывалось хорошо, но залётный комсомольский активист увёл любимую. Было тяжело и больно. Он не мог расслабиться на людях, но наедине с собой мучительно пытался разобраться, чего ему не хватает? Умён, недурен собой, силён, перспективен... Комплекс

развивался и креп. Хорошо помогал портвейн, это затягивало, но до конца затянуть не могло: учёба, спорт и, конечно, самолюбие: «Как же так, я?.. Я и вдруг сорвусь?!» Выжил. Как выяснилось, навык выживать в такой ситуации оказался очень востребован в дальнейшем. С противоположным полом всё складывалось сложно. Он побаивался серьёзных отношений. То ли не понимал, что такое семья, то ли не задумывался над этим. Обжёгшись один раз, он не верил женщинам вообще. С ним приятно было провести время. Если ему очень хотелось уложить женщину в постель, то это, как правило, удавалось. Но когда он увлёкся серьёзно и предложил своей подруге выйти за него замуж, та твёрдо отказалась. Но это из другой истории.

Итак, он женился. Через год родился сын. Семья требовала любви, внимания и времени. Работа над диссертацией отнимала силы и нервы. Восстанавливаться помогали привычный с юности портвейн и теперь уже разное покрепче. Затягивало сильнее. В конце концов диссертацию он защитил, а семью сохранить не смог. Развелись, через два года снова сошлись и снова развелись. Всё это со штампами в паспортах и двумя свидетельствами о разводе. Потом была ещё одна небольшая женитьба как средство от одиночества и, соответственно, ещё один развод.

Оглядываясь назад, он не переставал удивляться, как всё это совмещалось в нём: успешная карьера, упорная и плодотворная работа в науке, напряженные лекции в студенческой аудитории, требующие неколебимой психики и абсолютной физической формы, и тяжёлая непрерывная депрессия, глубокие загулы, полная неустроенность в личной жизни, простирающаяся от бессистемного перебора всего, что в юбке, до зимовки в неотапливаемом гараже, регулярное самоистязание десяти-пятнадцатикилометровыми кроссами по предгорьям... Видно, много было отпущено ему природой. Но всё это неминуемо должно было закончиться печально.

Девушку он заметил давно. Стройная, светловолосая, чуть скуластая... Детское лицо, огромные серые глаза. Запомнилась. Когда она приоткрыла дверь кабинета и попросила его выйти к ней на минутку, он был заинтригован, а когда получил в руки большой красивый букет, изумлён и тронут. Он внимательно посмотрел на неё и увидел, что она привлекательна, но главное, почувствовал: влюблена. Или только показалось? Он понимал, нужно поблагодарить и уйти, но сказал: «Через два часа на углу». Это было неправильно и нечестно по отношению к ней. Коньяк подвёл или навык опередил здравый смысл? Она ответила: «Да».

В постели всё было плохо. Она неумело старалась показать, какая она опытная, он, явно перебрав коньяка, что-то трудно с неё снимал. Потом жаловался ей на жён, баб, жизнь... Утром у него болело всё, что может болеть у доцента, а она отстранённо прибиралась и молчала.

- «Ну и ладно. Просила-получила», - хотелось подумать ему, но подумалось: «Что-то я сделал не то».

- «Что-то не так?» - спросил он очевидное.

- «Всё в порядке, не волнуйся».

- «Ещё общаться будем?».

- «Будем»...

- «Константин!»

Хозяин зовёт. Пришёл. Это вряд ли на обед. Похоже, нашёл то, что я оставил вчера за шкафом. Обоняние у него... А что было делать? Они так громко обсуждали страшное:

- «Убери его отсюда!»

- «Куда?! На живодёрню сдать?!»

- «Бабушке своей отдай».

- «Она их ненавидит, как и ты».

- «Я к кошкам нормально отношусь, просто ему здесь делать нечего, ни семьи, ни квартиры, ни жизни никакой!»

- «Убей его! И меня убей вместе с ним!!!»...

Ну никак было не выйти из-за шкафа...

...Котик по веточке мирно бродил

и приключенья себе находил...

Вот интересно, а коты летать могут? Распластаться, встречный поток подхватить и выше, выше, выше... Вау! А что там, внизу? Нда-а... Пятый этаж. Далековато. Наверное, летают какие-то другие коты. Расправят крылья, взмахнут широко... Белое пёрышко, чёрное пёрышко – сказка!.. Но зато я Константин! А не все коты Константины, не все...

...Котик на веточке песенку пел,

славную песенку. Всем надоел...

- «Константин!!!»

...И домой что-то не хочется. Да и где он, тот дом?..